

ИНДЕКС BLUE PEACE 2020

Schweizerische Eidgenossenschaft
Confédération suisse
Confederazione Svizzera
Confederaziun svizra

Swiss Agency for Development
and Cooperation SDC

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ

Содержание

Благодарность	3
Исполнительное резюме	5
Что такое «Blue Peace Index»?	5
Применение «Blue Peace Index»?	5
«Blue Peace Index»: основные выводы	7
Продвижение концепции «Blue Peace»: ключевые глобальные рекомендации	8
1. Введение: актуальность «Blue Peace Index»	12
1.1 Глобальный кризис пресной воды	12
1.2 Необходимость трансграничных действий	13
1.3 Что такое «Blue Peace»?	15
1.4 Выгоды от применения модели «Blue Peace»: новые социальные блага	16
2. «Blue Peace» в бассейнах рек Сырдарья и Амударья	20
2.1 Географические и гидрологические данные	20
А. Сырдарьинский речной бассейн	20
В. Амударьинский речной бассейн	21
2.2 Эволюция сотрудничества	22
2.3 Бассейны сегодня	24
2.4 Результаты индексирования	25
3. Ключевые направления продвижения «Blue Peace»	32
3.1 Политическая воля: <i>Вода как приоритетный вопрос</i>	32
3.2 Усиление институтов: <i>Укрепление фундамента для сотрудничества</i>	33
3.3 Укрепление доверия: <i>Сохранение исторической динамики</i>	35
3.4 Инклюзивное принятие решений: <i>Поиск точек соприкосновения</i>	36
3.5 Принятие информированных решений: <i>Информирование и взаимодействие</i>	37

Содержание

3.6 Финансирование: <i>Инвестирование в «Blue Peace»</i>	38
4 Приложение	42
Аналитические индексы: <i>преимущества и ограничения</i>	42
Сноски	48

Благодарность

В настоящем материале кратко излагаются основные результаты и выводы научно-исследовательской программы «Blue Peace Index», реализованной специалистами Аналитического отдела журнала «Экономист» (The Economist Intelligence Unit, EIU) при поддержке Швейцарского агентства по развитию и сотрудничеству (Swiss Agency for Development and Cooperation, SDC), которая включала в себя обширный анализ литературы, экспертные консультации и серию интервью, проведенных специалистами EIU в период с января 2019 г. по октябрь 2020 г. В общей сложности было опрошено более 30 представителей международных организаций, НПО, государственных учреждений, частного сектора и научных кругов.

Ответственность за содержание настоящего доклада несет исключительно EIU. Представленные заключения и выводы не обязательно отражают мнения партнеров и экспертов.

Материал подготовлен коллективом исследователей EIU, писателей, редакторов и графических дизайнеров, включая следующих:

Конор Гриффин, Матус Самел, Дина Альборно, Бет Уорн, Девика Сайни, Адам Грин, Маркус Краковицер, Одра Мартин, Гарет Оуэн, Майк Кенни и Керри Хьюз.

Йохан Жели, Айлин Хофштеттер и Стефани Пиэрс де Равешут, сотрудники Швейцарского агентства по развитию и сотрудничеству, приняли участие в проведении исследования и написании статьи в качестве экспертов.

На различных этапах консультаций экспертную поддержку проекту оказывала группа следующих экспертов – признанных авторитетов по различным

аспектам трансграничного водного сотрудничества:

- Д-р Кристиан Брето, доцент Женевского университета, Женевский водный центр;
- Д-р Джеймс Далтон, директор Глобальной водной программы, Международный союз охраны природы (МСОП);
- Д-р Алан Николь, стратегический руководитель Программы «Продвижение устойчивого роста», Международный институт управления водными ресурсами (IWMI);
- Г-жа Белинда Петри, генеральный директор и соучредитель компании «OneWorld Sustainable Investments»;
- Д-р Бенджамин Пол, старший проектный менеджер, компания «adelphi»;
- Проф. Алистер Рие-Кларк, профессор права, юридический факультет Нортумбрийского университета;
- Д-р Сюзанна Шмейер, старший преподаватель водного права и дипломатии, Международный институт для образования в сфере водных ресурсов (UNESCO-IHE) в Делфте;
- Г-н Алекс Сималабви, исполнительный секретарь программы «Глобальное водное партнерство – Южная Африка» (Global Water Partnership Southern Africa, GWP SA) и руководитель-координатор по Африке, руководитель глобальной программы ГВП по климатической устойчивости (GWP Global Climate Resilience);
- Проф. Марк Зейтун, профессор водной безопасности и политики, Университет Восточной Англии.

Исследовательская группа также выражает признательность за поддержку экспертам, принявшим участие в подготовке настоящей статьи на безвозмездной основе. В их числе:

- Д-р Шейх Файе, исследователь, географический факультет Университета Ассан Сек в Зигинчоре, Лаборатория геоматики и окружающей среды;
- Д-р Беатрис Гарсия, юридический факультет Западного Сиднейского университета;
- Д-р Ким Гехеб, главный научный сотрудник института изучения будущего развития региона Меконг «Mekong Region Futures Institute»;
- Д-р Алехандро Иза, руководитель Программы экологического права МСОП;
- Г-н Диего Яра, специалист по правовым вопросам Программы экологического права МСОП;
- Д-р Джонатан Лауце, руководитель исследовательской группы по комплексному управлению бассейнами и водоносными горизонтами, Международный институт управления водными ресурсами (IWMI);
- Д-р Нахо Мирумачи, старший преподаватель, географический факультет Королевского колледжа Лондона;
- Г-н Грег Шапланд, младший научный сотрудник Программы для Ближнего Востока и Северной Африки «Chatham House»;
- Д-р Шелли Макмиллан, старший специалист по управлению водными ресурсами, Группа Всемирного банка;
- Г-н Стивен Стек, д.ю.н., магистр философии, факультет экологических наук и политики Центрально-Европейского университета;
- Проф. Аарон Вольф, географ Колледжа наук о Земле, океане и атмосфере, Университет штата Орегон;
- Д-р Искандар Абдуллаев, заместитель директора Института центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (CAREC);
- Г-жа Динара Зиганшина, заместитель директора Научно-информационного центра Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (НИЦ МКВК);
- Г-н Булат Есекин, эксперт Национального совета по зеленой экономике Казахстана;
- Г-н Талайбек Макеев, региональный технический советник Программы развития ООН в Казахстане;
- Г-жа Дженнивер Зеринг, старший преподаватель по управлению водными ресурсами и дипломатии, Международный институт для образования в сфере водных ресурсов (UNESCO-IHE) в Делфте;
- Г-н Бо Либерт, консультант, Стокгольмский международный институт водных ресурсов (SIWI);
- Г-н Игорь Петраков, юридический эксперт по международному управлению водными ресурсами, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби;
- Г-н Кахрамон Джумабоев, научный сотрудник Международного института управления водными ресурсами (IWMI);
- Г-жа Бота Шарипова, молодежная сеть «Central Asia Youth for Water Network» (CAY4W).

Исполнительное резюме

Что такое «Blue Peace Index»?

«Blue Peace Index» позволяет анализировать, насколько устойчиво, справедливо и коллективно страны и бассейны управляют своими общими водными ресурсами. Данная система индексирования является инструментом оценки вызовов и потенциальных возможностей в области улучшения трансграничного водного сотрудничества и управления общими водными ресурсами.

Анализ в рамках первого издания индекса проводился по 74 качественным и количественным индикаторам по 30 странам и 7 отдельным трансграничным речным бассейнам*. Оценка по некоторым индикаторам проводилась на национальном, по другим – на бассейновом уровне. Все индикаторы разработаны таким образом, чтобы отражать ту или иную степень «свободы действий», которой обладают конкретные страны. Чисто гидрологические и географические показатели были исключены из анализа, поскольку государства не могут оказывать на них влияния. Индексные индикаторы были разбиты на пять групп.

Применение «Blue Peace Index»

Растущая зависимость от дефицитных трансграничных водных ресурсов

К 2050 году более 50% населения планеты будет жить в регионах, испытывающих дефицит воды. Учитывая то, что почти 60% пресноводного стока приходится на трансграничные реки, роль этих ресурсов в обеспечении людей

надлежащим водоснабжением будет только расти. Этим обуславливается острая необходимость рационального использования общих водных ресурсов на устойчивой, справедливой и коллективной основе.

Потребность широкого спектра заинтересованных сторон в общей платформе для активизации сотрудничества

Для улучшения управления общими водными ресурсами и активизации трансграничного водного сотрудничества директивные органы и дипломаты должны тесно сотрудничать с научно-техническими экспертами на местном, национальном и международном уровнях. При разработке «Blue Peace Index» эксперты EIU изучили широкий спектр факторов, оказывающих воздействие на управление общими водными ресурсами и трансграничное сотрудничество, и сгруппировали их в пять блоков. Таким образом, индекс дает заинтересованным сторонам общую основу для понимания сложности процессов управления водными ресурсами (УВР) и организации скоординированных целевых мер.

Страны и бассейны должны знать, как и где действовать

Лица и организации, вовлеченные в разработку политик (директивные органы), доноры и специалисты-практики, работающие в сфере трансграничных вод, как правило, испытывают нехватку ресурсов. Индексирование позволяет анализировать системы управления общими водными ресурсами стран и подходы к трансграничному водному

* Детальное описание индикаторов, источников и методологии индексирования см. в Методологической записке по «Blue Peace Index».

сотрудничеству на основе широкого спектра индикаторов/показателей. Таким образом, система индексов позволяет заинтересованным сторонам выявлять и анализировать свои относительные слабые и сильные стороны, тем самым давая им возможность реагировать на наиболее острые вызовы. Разграничение между внутренними (национальными) и бассейновыми индикаторами также позволяет заинтересованным сторонам видеть, на чем им следует сосредоточить свои усилия и внимание – на внутренней (национальной) или региональной политике и институтах.

Возможности использования комплексной оценки водных политик инвесторами и учеными

Смещая акцент с краткосрочных факторов риска, индекс дает возможность проанализировать основополагающие политические, правовые и институциональные предпосылки для устойчивого УВР и сотрудничества в странах и бассейнах, равно как и изучить более широкий контекст регионального сотрудничества. Таким образом, в долгосрочной перспективе «Blue Peace Index» позволит всесторонне исследовать факторы и условия устойчивого сотрудничества в отношении общих водных ресурсов.

Основные задачи индексирования:

- обеспечить наличие инструментария для системной оценки движущих сил (факторов) и условий устойчивого сотрудничества по общим водным ресурсам;
- мотивировать заинтересованные стороны к повышению эффективности их действий посредством мониторинга и освещения их прогресса в этом направлении;
- привлечь внимание к оптимальным политическим и управленческим решениям для реагирования на трансграничные водные возможности и вызовы;
- повысить осведомленность о концепции «Blue Peace» среди более широкого спектра заинтересованных сторон в сфере УВР и укрепления мира;
- стимулировать публичное обсуждение желательных целей и передовых практик в области устойчивого управления водными ресурсами.

Система «Blue Peace Index»

I. Секторальная политика и нормативно-правовая база 	II. Институты и участники 	III. Инструменты УВР 	IV. Инфраструктура и финансирование 	V. Контекст сотрудничества
1.1 Национальная водная политика Национальное законодательство и политика в области водных ресурсов и применение принципов интегрированного управления водными ресурсами (ИУВР).	2.1 Национальное водное агентство Наличие и потенциал национального агентства по водным ресурсам.	3.1 Управление водообеспеченностью Национальные программы по мониторингу водных ресурсов и эффективности водопользования.	4.1 Государственные инвестиции Национальное государственное финансирование развития водных ресурсов, включая инфраструктуру.	5.1 Водный дефицит Наличие и качество воды на национальном уровне.
1.2 Национальная экологическая политика Национальная политика по ограничению загрязнения вод и трансграничного воздействия на окружающую среду.	2.2 Вовлечение заинтересованных сторон на национальном уровне Национальные программы по вовлечению ключевых заинтересованных сторон, связанных с водной политикой, т.е. государственных органов, ассоциаций пользователей и широкой общественности.	3.2 Контроль за загрязнением Национальные стратегии и программы по контролю за загрязнением вод.	4.2 Частные инвестиции Наличие и привлечение частного финансирования для развития водных ресурсов, включая инфраструктуру.	5.2 Социально-экономическое воздействие Социально-экономическая подверженность стран изменениям в доступности воды.
1.3 Международные водные конвенции Ратификация международных конвенций по водным ресурсам.	2.3 Обмен данными на нац. уровне Национальные платформы для обмена данными между государственными органами и широкой общественностью.	3.3 Управление бедствиями на нац. уровне Национальные планы по борьбе со стихийными бедствиями и адаптации к изменению климата.	4.3 Инвестиционный климат Overall national инвестиционный климат, включая простоту ведения бизнеса и регуляторные и финансовые риски.	5.3 Политическая стабильность Стабильность правительства, ситуация в плане безопасности и более широкие политические и социальные аспекты.
1.4 Система и политика УВР на бассейновом уровне Наличие и комплексный характер международных соглашений по трансграничным водным ресурсам.	2.4 Организации бассейнового уровня Наличие и функциональный потенциал совместных бассейновых организаций.	3.4 Управление водообеспеченностью на бассейновом уровне Совместные программы мониторинга и оценки водных ресурсов на бассейновом уровне.	4.4 Операционное финансирование бассейновых организаций Финансирование совместных бассейновых организаций и совместные инвестиционные программы.	5.4 Подверженность конфликтам Уровень милитаризации и наличие конфликтов, связанных с водой.
	2.5 Вовлечение заинтересованных сторон на бассейновом уровне Программы бассейнового уровня по вовлечению ключевых заинтересованных сторон, связанных с водной политикой, т.е. государственных органов, ассоциаций пользователей и широкой общественности.	3.5 Контроль за загрязнением на бассейновом уровне Совместные стратегии и программы контроля за загрязнением воды бассейнового уровня.	4.5 Финансирование инфраструктуры на бассейновом уровне Участие частного сектора и альтернативные источники финансирования совместных инвестиций на бассейновом уровне.	5.5 Экономические отношения с соседними государствами Экономическая интеграция стран бассейна.

2.6 Обмен данными на бассейновом уровне

Платформы бассейнового уровня для обмена данными между госорганами и широкой общественностью.

3.6 Управление бедствиями на бассейновом уровне

Совместные стратегии и программы мониторинга стихийных бедствий и реагирования на бассейновом уровне.

Целевые государства и бассейны

Амударья (Центральная Азия)	Сырдарья (Центральная Азия)
Афганистан	Казахстан
Таджикистан	Кыргызстан
Туркменистан	Таджикистан
Узбекистан	Узбекистан

«Blue Peace Index»: ключевые выводы

Учитывая общую историю, бассейны рек Сырдарья и Амударья характеризуются рядом схожих благоприятных факторов, вызовов и потенциальных возможностей в отношении трансграничного водного сотрудничества. Вместе с тем, ситуации в двух исследованных бассейнах также имеют некоторые ключевые различия.

Бассейн Аральского моря – общее для бассейнов рек Сырдарья и Амударья**Основные благоприятные факторы:**

- механизм регионального сотрудничества существует и, главным образом, сосредоточен на вопросах вододелия, но также включает и некоторые формы систем мониторинга и наращивания потенциала – Международный фонд спасения Арала (МФСА) и его подразделения (например, Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия, МКВК);
- регион характеризуется общим советским наследием, чем

обеспечивается общность языка, знаний и практик.

Основные вызовы:

- внутрирегиональная интеграция весьма ограничена, поскольку каждая из целевых стран идет по своему пути государственного строительства в условиях низкого взаимного доверия и слабого обмена информацией;
- советское наследие – включая инфраструктуру, знания и систему образования – устарело и во многих случаях находится в плачевном состоянии, характеризуется отставанием от современных практик и инноваций и с малой вероятностью позволит надлежащим образом реагировать на возникающие климатические вызовы.

Основные потенциальные возможности:

- Цели устойчивого развития (ЦУР), а также растущая обеспокоенность по вопросам адаптации к изменению климата и смягчения его последствий могут дать необходимый толчок более тесному сотрудничеству по схожим

общим проблемам для достижения общих целей;

- вода является ключевым звеном, связывающим центральноазиатские государства – с большой вероятностью более эффективное совместное и комплексное УВР будет способствовать социально-экономическому развитию региона в целом;
- в бассейне уже функционирует часть необходимой инфраструктуры и совместная организация по региональному УВР. Вместе с тем, данная организация требует преобразования, дальнейшего развития и финансирования прибрежными государствами, что позволит повысить ее текущую низкую эффективность;
- после смены правительства в 2016 г. Узбекистан существенно расширил контакты со всеми своими соседями и демонстрирует высокую политическую готовность к трансграничному и региональному взаимодействию;
- текущий ограниченный уровень сотрудничества, достигнутый посредством технических и/или двусторонних действий, может послужить основой для дальнейшего развития диалога и сотрудничества между странами бассейна.

Бассейн реки Сырдарья – особенности

Основные благоприятные факторы:

- все прибрежные государства бассейна продемонстрировали ту или иную степень готовности присоединиться к многосторонним водным соглашениям;
- бассейн располагается в экономически сильном и активно развивающемся регионе.

Основные вызовы:

- сотрудничество главным образом осуществляется на несистематической и/или двусторонней основе, что делает его нестабильным и зависящим от социально-экономического и политического контекста.

Основные потенциальные возможности:

- существующие платформы по обмену и опубликованию данных требуют дальнейшего развития с целью расширения обмена данными и, таким образом, более эффективной поддержки процесса принятия информированных решений. В свою очередь, это позволит возродить активное региональное сотрудничество в Сырдарьинском бассейне.

Бассейн реки Амударья – особенности

Основные благоприятные факторы:

- все страны, разделяющие бассейн, имеют ряд действующих национальных водохозяйственных учреждений и демонстрируют готовность участвовать в многосторонних водных соглашениях.

Основные вызовы:

- несоответствие между степенью экономического развития стран бассейна, что обуславливается неэффективным с точки зрения водопользования экстенсивным сельским хозяйством и растущим дефицитом водных ресурсов в регионе, который, вероятно, будет только обостряться ввиду внешних факторов, включая прирост населения и изменение климата.

Основные потенциальные возможности:

- хотя Афганистан и стремится к участию в региональном сотрудничестве, пока что он не

является частью общерегиональных центральноазиатских механизмов, ввиду чего управляет своими водными ресурсами изолированно. Более эффективное и системное вовлечение данного государства в процессы регионального сотрудничества позволит обеспечить более комплексное и устойчивое управление всем бассейном в целом

Продвижение концепции «Blue Peace»: ключевые глобальные рекомендации

На основе оценки различных бассейнов, охватываемых «Blue Peace Index», были определены шесть ключевых условий успешного управления трансграничными водами и сотрудничества.

1. Политическая воля: *Вода как приоритетный вопрос политической повестки*

Сотрудничество в области водных ресурсов требует вовлечения государственных организаций, напрямую не связанных с водными ресурсами, окружающей средой и сельским хозяйством. Увязка водных ресурсов с более широким кругом политических целей и интеграция водной дипломатии в региональный и двусторонние политические диалоги будет содействовать определению новых путей продвижения вперед, пока общие выгоды все еще не очевидны.

2. Усиление институтов: *Укрепление фундамента для сотрудничества*

Водохозяйственные организации вовлечены в сложную деятельность, требующую значительных технических, правовых и политических возможностей, а также передовых технологий, развитие которых может быть сопряжено с трудностями. Внешняя финансовая и техническая поддержка может способствовать созданию и развитию организаций, занимающихся вопросами водного сотрудничества.

3. Укрепление доверия: *Сохранение исторической динамики*

Поиск компромиссов между использованием потенциала трансграничных вод для целей развития и защитой экосистем обуславливает необходимость сложных переговорных процессов. В этих условиях критически важную роль играют доверие и добросовестность. Совместное определение и оценка общих выгод могут способствовать развитию сотрудничества даже в сложных условиях.

4. Инклюзивное принятие решений: *Поиск точек соприкосновения*

Водохозяйственная деятельность и трансграничное водное сотрудничество могут сказаться на фундаментальных правах и средствах к существованию населения заинтересованных стран. Если практиками УВР не обеспечивается надлежащий баланс между потребностями различных сообществ, отдельные спорные ситуации могут перерасти в долгосрочные конфликты. Инклюзивный и основанный на широком участии заинтересованных сторон процесс

принятия решений имеет решающее значение для обеспечения устойчивой поддержки и сотрудничества со стороны сообществ.

5. Принятие информированных решений: Информирование и взаимодействие

Ввиду того, что также как и изменяющийся климат, трансформирующиеся модели водопользования, экономическая география и процессы внутри заинтересованных сообществ, вода не является статичным ресурсом, сотрудничество должно представлять собой непрерывный процесс. Данные о потенциальном воздействии развития, связанного с водными ресурсами, имеют решающее значение для обеспечения эффективного реагирования прибрежными сообществами на возникающие вызовы, а фактические и смоделированные данные могут поддерживать процессы диалога и сотрудничества.

6. Финансирование: Инвестирование в водный мир

Финансирование является важнейшим стимулом – или препятствием – к достижению «водного мира», равно как и требуется для реализации всех пяти вышеуказанных рекомендаций. Мобилизация большего объема частных и государственных инвестиций на цели управления трансграничными водами играет ключевую роль и требует улучшения координации усилий среди международных доноров, повышения привлекательности и стабильности национальных инвестиционных условий, равно как и создания более благоприятной среды для устойчивого функционирования государственно-частных партнерств (ГЧП).

1. Введение: актуальность «Blue Peace Index»

1.1 Глобальный кризис пресной воды

Приблизительно 70% земной поверхности покрыто водой, но пресная вода пригодная для человеческих нужд составляет лишь 2,5% от всего объема водных ресурсов планеты. Большая часть запасов пресной воды хранится в ледниках или снеговых шапках гор, что означает, что менее лишь 1% мировых запасов воды является как пресной, так и доступной в жидкой форме. Львиная доля мировых пресноводных запасов приходится на подземные источники (водоносные горизонты¹), и лишь небольшая часть составляет легкодоступные поверхностные воды в озерах и реках².

Именно пресная вода является краеугольным камнем обеспечения здоровья человека, развития глобальной экономики и более широкого социального благополучия. Мы не только пьем пресную воду в чистом виде, но и косвенно употребляем ее в виде пищи, которую едим, одежды, которую носим, и других продуктов, которые покупаем. В засушливых регионах вода используется для орошения парков и общественных территорий. Таким образом, безопасный доступ к пресной воде имеет решающее значение для многих социально-экономических показателей, заложенных в Целях устойчивого развития (ЦУР), в таких разнообразных отраслях и сферах деятельности и жизни как сельское хозяйство, торговля, экономика, энергетика и биоразнообразие.

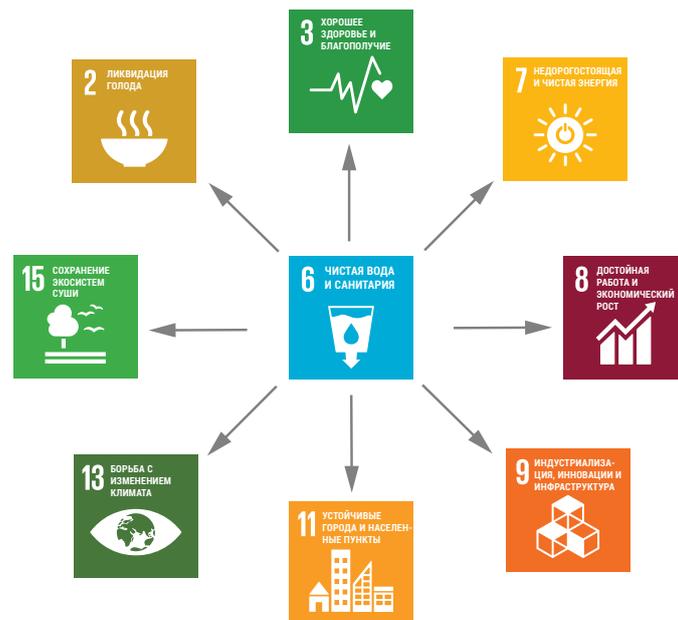
Стремительное истощение

К сожалению, мир в целом так и не

смог надлежащим образом сберечь свои водные ресурсы. За последнее столетие объем доступных пресноводных запасов постоянно сокращался, поскольку темпы забора воды возросли почти в 6 раз ввиду 4-кратного роста

Вода лежит в основе устойчивого развития

Чистая вода и санитария (ЦУР 6) связаны с экологическим, экономическим и социальным измерениями Целей устойчивого развития

Источник: Аналитический отдел журнала «Экономист».

численности населения мира. К 2014 году среднемировая доступность возобновляемых источников пресной воды сократилась до менее 6 000 м³ на человека в год – резкое снижение (примерно на 40%) по сравнению с 70-ми гг. прошлого столетия³. Кроме этого, пресноводные ресурсы характеризуются неравномерным географическим распределением и подвержены сезонным изменениям, что по некоторым оценкам подвергает 4 млрд человек (более половины населения мира)

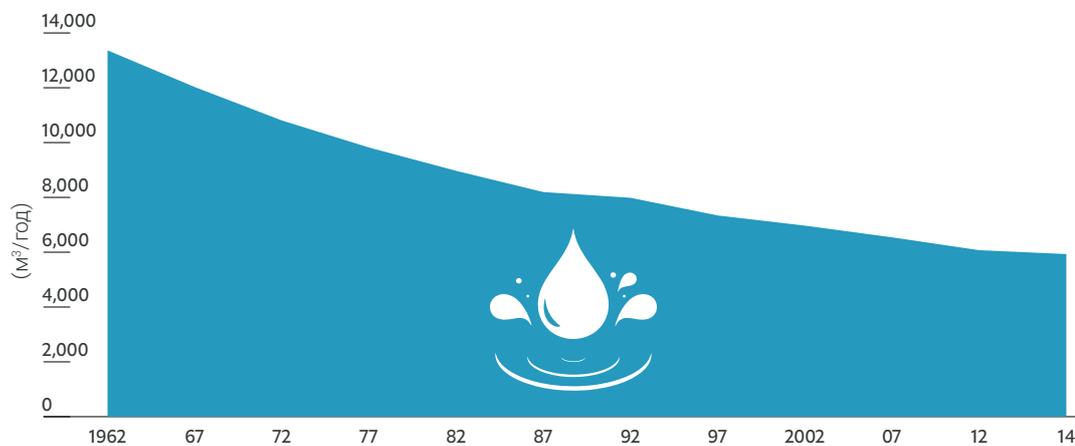
острой нехватке воды в течение по крайней мере одного месяца в течение года. По мере продолжающегося роста глобального спроса на воду – примерно на 1% ежегодно – имеющиеся ресурсы становятся все более и более дефицитными⁴.

Тревожное будущее

Согласно некоторым прогнозам мировой спрос на пресную воду будет продолжать расти аналогичными темпами до 2050 г.⁵ В случае, если прогнозы оправдаются, может сложиться чрезвычайно сложная ситуация – в зоне риска могут оказаться

Истощение

Глобальные запасы пресной воды (на человека)

Источник: ФАО, АКВАСТАТ (2015).

45% мирового валового внутреннего продукта (ВВП), 52% населения и 40% производства зерновых⁶. Действительно, в докладе «Глобальные риски» (англ. Global Risks Report), представленном на Всемирном экономическом форуме в 2019 г. дефицит воды (определенный как «значительное снижение доступного качества и количества пресной воды») указан как четвертый по масштабу риск, стоящий перед глобальным сообществом, после оружия массового уничтожения, экстремальных погодных условий и изменения климата (последние два также тесно связаны с водой)⁷.

1.2 Необходимость трансграничных действий

Национальным и местным органам власти необходимо внедрить целый ряд стратегий (политик), направленных на смягчение

последствий нехватки пресной воды – начиная с инновационной очистки сточных вод и заканчивая применением технологий для сокращения объемов отходов. Вместе с тем, возможности любого отдельного государства по решению соответствующих задач в изоляции весьма ограничены реальностями природы, ведь вода не знает границ. На трансграничные речные бассейны приходится 60% мирового пресноводного стока; в них проживает 40% мирового населения. Эти бассейны имеют принципиальное значение для сельского хозяйства, промышленности, производства энергии, равно как и для питьевого водоснабжения и санитарии⁸.

В отличие от воды сотрудничество часто останавливается на границе

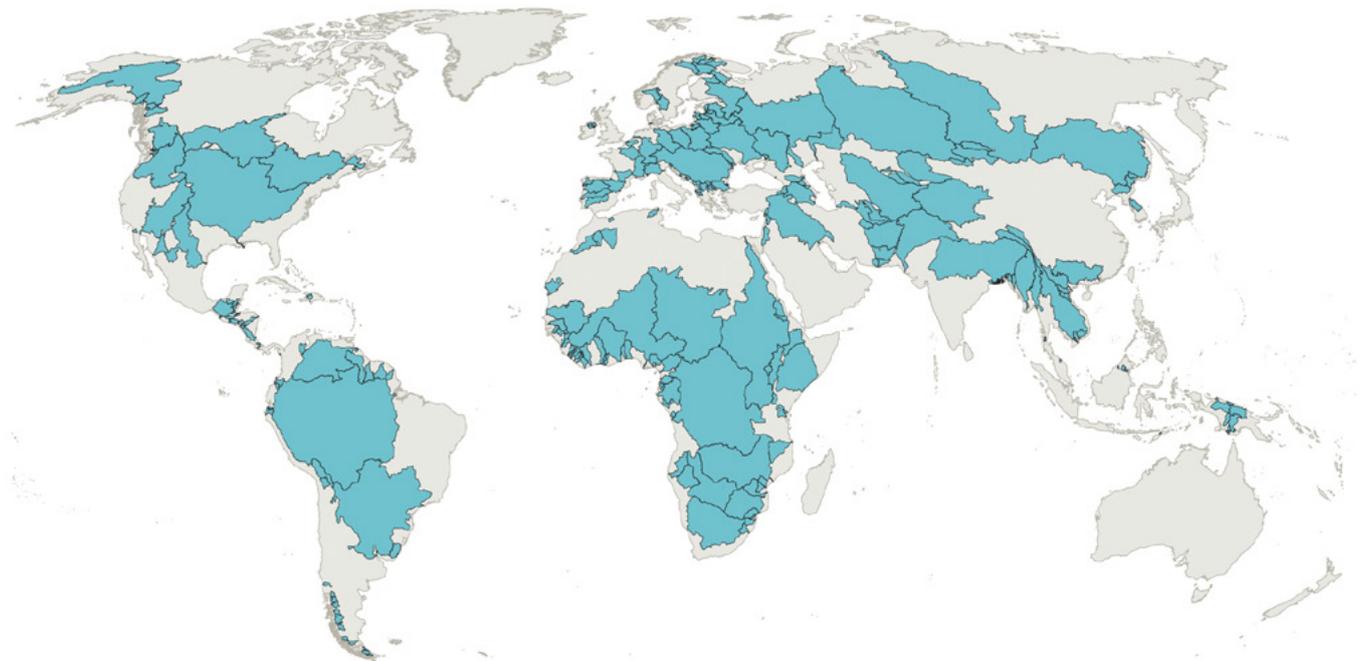
Недостаток официальных структур сотрудничества для управления важ-

нейшими трансграничными водными ресурсами вселяет тревогу. По оценкам, в мире насчитывается 286 трансграничных речных и озерных бассейнов на территории 148 государств. Только в 84 из них функционируют совместные водохозяйственные организации, и их институциональный потенциал значительно варьируется. Число общих водоносных горизонтов, не находящихся в ведении совместных органов управления, значительно выше – только 9 из более чем 350 трансграничных водоносных горизонтов во всем мире управляются постоянными коллективными механизмами⁹

Недостаточный уровень сотрудничества влечет за собой значительные экономические, социальные и экологи-

ческие потери. Новые плотины, построенные без совместного планирования, перенаправляют воду и дестабилизируют экосистемы. Загрязнение в верхних течениях ухудшает качество воды для потребителей в нижних течениях. Ущерб от наводнений растет, когда страны не обмениваются информацией о надвигающихся угрозах ввиду сложившихся плохих отношений. Хотя открытые «водные» войны и были относительно редкими в новейшей истории, отсутствие сотрудничества и справедливого управления может приводить к таким конфликтам как между государствами, так и внутри них, о чем свидетельствуют примеры Дарфура, Сомали, Ирака, Сирии, Ченная, Боливии и США¹⁰.

Трансграничные речные бассейны

Источник: Программа по оценке трансграничных вод, Глобальный экологический фонд (2016).

1.3 Что такое «Blue Peace»?

Термин «Blue Peace» или «водный мир» следует понимать как трансграничное сотрудничество в области водных ресурсов в целях содействия стабильности и устойчивому развитию. Такое сотрудничество может выражаться в форме общих институтов и правовых рамок, которые объединяют государства в их стремлении урегулировать разногласия мирным путем и использовать общие водные ресурсы в качестве фундамента для более широкого экономического и дипломатического сотрудничества.

В рамках концепции «Blue Peace» водное сотрудничество рассматривается как «беспроектная игра», в результате участия в которой все участники получают больше выгод от совместной работы, чем они могли бы получить, действуя в одиночку. Спектр выгод варьируется от повышения энергетической безопасности и охраны биоразнообразия до сокращения количества и масштаба наводнений и засух, и оптимизации инвестиций¹¹. Другими словами, вода рассматривается как инструмент сотрудничества. Главным образом, концепция «Blue Peace» сосредоточена на трансграничных бассейнах – географических единицах, которые охватывают естественные потоки воды в реках, озерах и водоносных горизонтах, выходящих за рамки политических границ и юрисдикций¹².

«Blue Peace» развивается тогда, когда заинтересованные стороны объединяются для принятия справедливых решений относительно общих водных ресурсов и совместного инвестирования в них в целях содействия миру и стабильности. С момента появления в начале 2010-х годов, концепция расширилась и на сегодняшний день получила поддержку ряда международных организаций и государственных органов, частного

сектора и НПО, научно-исследовательских учреждений, и даже представителей искусств и молодежи¹³. «Blue Peace» выступает за справедливое и устойчивое управление общими водными ресурсами в качестве средства укрепления мира, используя различные дипломатические, политические, технические и финансовые механизмы для превращения воды из источника споров в инструмент сотрудничества.

Уроки истории

Актуальность и обоснованность концепции «Blue Peace» подкрепляется обширными историческими свидетельствами, указывающими на важность соглашений и дипломатических механизмов для обеспечения сотрудничества даже в контексте политической конфронтации. Действительно, в некоторых случаях водное сотрудничество стимулировало дальнейшее развитие контактов и создавало условия для более тесного дипломатического взаимодействия¹⁴.

В современную эпоху государства предпринимают многочисленные усилия по сотрудничеству и созданию совместных институтов по управлению трансграничными водами. Наиболее значимыми среди них являются речные бассейновые **организации (РБО) – институционализируемая форма сотрудничества в рамках имеющего обязательную силу международного соглашения, охватывающего определенный географический район международного речного или озерного бассейна**. Различные РБО характеризуются разными принципами, нормами, правилами и механизмами управления¹⁵. По всему миру – от Западной Африки до Восточной Европы и Латинской Америки – создано множество многосторонних механизмов сотрудничества, таких как РБО, комиссии и другие коллективные органы. Существенные различия в их

структуре, мандате, режиме работы и эффективности отражают различные условия, в которых они возникли, и указывают на отсутствие универсальных решений.

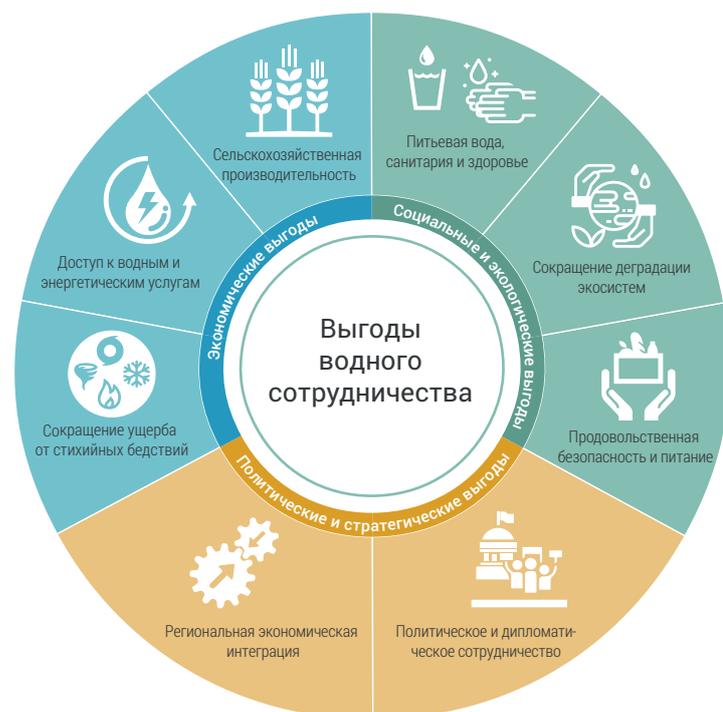
Поступательное развитие субъектов и нормативно-правовой базы

За прошедшие десятилетия число институциональных субъектов – национальных водохозяйственных учреждений, наднациональных органов и международных организаций – возросло и сегодня включает в себя доноров, многосторонние агентства по развитию, международные финансовые институты, вузы и НПО¹⁶. Рост численности профильных организаций шел параллельно с развитием международного водного права. Несмотря на отсутствие официального статуса и механизма обеспечения соблюдения, Хельсинкские правила использования вод международных рек 1966 г., разработанные Ассоциацией международного права, закрепили международные руководящие принципы использования трансграничных рек и связанных с ними подземных вод. Впоследствии Конвенция по водам ЕЭК ООН 1992 г. и Конвенция по водотокам ООН 1997 г. кодифицировали международное водное право и сформулировали основные нормы справедливого и разумного водопользования, а также обязательства не наносить существенного вреда¹⁷. Международное водное право позволяет оппонировать идее абсолютного территориального суверенитета, вместо этого продвигая концепцию ограниченного суверенитета, предполагающую взаимные права и ответственность¹⁸. Однако, несмотря на значительный прогресс, к настоящему времени вышеупомянутые международные конвенции ратифицированы сравнительно небольшим количеством стран мира.

1.4 Выгоды от применения модели «Blue Peace»: новые социальные блага

«Blue Peace» представляет собой многомерную концепцию, признающую воду в качестве потенциального источника конфликтов, но, вместе с тем, учитывающую ее потенциал как инструмента укрепления мира. Выгоды от трансграничного водного сотрудничества разнообразны и обширны, включая экономические, медицинские, социальные, экологические и политические. Коллективные усилия дают возможность не только избегать негативных сценариев, таких как наводнения или загрязнение окружающей среды, но и создавать больше общественных благ, нежели каждое государство в отдельности могло бы обеспечить своему населению, действуя самостоятельно.

Выгоды водного сотрудничества

Источник: Аналитический отдел журнала «Экономист».

Экономика: сельскохозяйственное и промышленное производство, доступ к энергии и предотвращение угроз

Стабильность и надежность трансграничных водных потоков имеют решающее значение для экономического роста. Основные отрасли, такие как энергетика и горнодобывающая промышленность – важнейшие факторы экономической конкурентоспособности для многих стран с низким уровнем дохода – являются водоемкими. Сельское хозяйство и рыболовство в водах, вдоль берегов и в дельтах рек обеспечивают средствами к существованию миллионы людей, особенно в Азии и Африке. Так, ежегодные наводнения в бассейне реки Меконг обладают далеко не только разрушительной силой. Они, в частности, повышают производительность пресноводного рыбного промысла, перекладывают осадочные породы и приносят с собой воду, которая может храниться для использования в засушливые периоды. В то время как среднегодовой ущерб от наводнений в Меконгском бассейне оценивается в размере 60-70 млн долл. США, при условии разумного использования положительные «дивиденды» от наводнений значительно выше и оцениваются на уровне 8-10 млрд дол. США¹⁹.

«Перенаправление» силы воды в нужное человеку русло посредством устойчивой гидротехнической инфраструктуры и на основании ответственного отношения к природе может стимулировать генерацию энергии как для внутреннего пользования в странах, так и между странами. В свою очередь, это позволяет снижать энергозатраты правительств, юридических лиц и граждан, повышать производительность энергоемкой экономической деятельности и освобождать ресурсы для их использования в рамках других видов

деятельности, также повышающих производительность, например, здравоохранения и образования. Например, по оценкам продолжающееся с 2000-го года двустороннее гидроэнергетическое взаимодействие Бутана и Индии способствовало 3-кратному увеличению ВВП на душу населения первого (с 780 долл. США в 2000 г. до 2 600 долл. США в 2014 г.)²⁰. Вместе с тем, соответствующие положительные результаты можно достичь только при условии активного сотрудничества. Индия оказывает Бутану помощь в строительстве почти всех гидроэнергетических мощностей, а Бутан большую часть года экспортирует энергию в Индию и импортирует ее только в период с января по март.

Трансграничное водное сотрудничество может также помогать в предотвращении стихийных и экономических бедствий. В частности, решающее значение в данном случае имеют скоординированные предупреждения о наводнениях. По одной из оценок, оповещение о наводнении за 48 часов до события позволяет избежать 4-40% последующего ущерба с ожидаемой выгодой в размере 400 евро (450 долл. США) на каждый вложенный евро²¹. И снова, предупреждение о наводнениях и меры по защите от них требуют обмена данными, протоколов связи и научного понимания того, как функционируют речные бассейны, что, в свою очередь, невозможно без анализа ситуации и координации действий на бассейновом уровне.

Социальная сфера и экология: здравоохранение, продовольственная безопасность и защита экосистем

Стабильный доступ к чистой воде – недавно признанный в качестве одного из основополагающих прав человека

– имеет принципиальное значение для выживания и благополучия людей. Несмотря на некоторый прогресс, в 2017 г. более 2,1 млрд человек в мире все еще не имели доступа к безопасной питьевой воде²². Трансграничное сотрудничество способствовало улучшению доступа к воде, например, в бассейне реки Сенегал после внедрения системы совместного управления плотинами²³.

Заболевания, связанные с низким качеством воды, такие как холера и тиф, ежегодно поражают более 1 млрд человек в мире, что ложится тяжелым бременем на наиболее уязвимые группы населения в странах с низким и средним уровнем дохода²⁴. Вода, загрязненная промышленными отходами, пестицидами и ввиду нерегулируемой добычи грунтовых вод, также оказывает пагубное воздействие на физическое и психическое здоровье, особенно детей. Комиссия «Ланцет» (The Lancet) по загрязнению окружающей среды и здоровью установила, что на глобальном уровне в 2015 г. небезопасные в результате загрязнения вода и санитарные условия были связаны с ущербом в размере 404 млрд долл. США в сфере социального обеспечения. Расходы были непропорционально выше в странах с низким уровнем дохода, где они составили более 3% валового национального дохода (ВНД)²⁵. Важно отметить, что трансграничные усилия по борьбе с загрязнением и улучшению качества воды имеют более высокий общий коэффициент рентабельности по сравнению с односторонними усилиями. Идея, лежащая в основе преимуществ совместного подхода, заключается в том, что загрязнение по своей сути является проблемой системного уровня, а его источник и воздействие характеризуются различным географическим расположением, часто, даже на

территории разных государств. Таким образом, благодаря координации усилий – таких как выявление приоритетных загрязнителей и осуществление мер по предотвращению загрязнения одновременно в районах выше и ниже по течению – целевые действия оказываются более эффективными, а затраты более справедливо распределяются между теми, кто загрязняет, и теми, кто испытывает на себе последствия загрязнения²⁶.

Помимо расширения доступа к безопасной воде, в отсутствие других заинтересованных сторон трансграничное водное сотрудничество может помочь в обеспечении базовыми услугами здравоохранения. Так, западно-африканская Организация по развитию бассейна реки Сенегал, ОРБС (Organisation pour la mise en valeur du fleuve Sénégal – Senegal River Basin Development Organisation, OMVS) реализовала ряд жизненно важных мероприятий по обеспечению продовольственной безопасности и профилактике малярии. Посредством Регионального механизма финансирования мер по борьбе с малярией ОРБС, например, обеспечила доступность диагностических систем, пропитанных инсектицидами сеток и средств для лечения малярии в то время, когда ключевые доноры вынуждены были отозвать или заморозить финансирование в регионе²⁷.

На экологическом уровне трансграничное водное сотрудничество играет значительную роль в снижении деградации сред обитания и сокращения биоразнообразия. Так, благодаря научным исследованиям, проводимым силами РБО, обеспечивается наличие данных для планирования сценариев, позволяющих принимать положительные или отрицательные решения в

отношении проектов с потенциальными значительными экологическими последствиями, такими как, например, строительство новой инфраструктуры. Соглашениями на уровне РБО могут также предусматриваться ключевые условия и правила для соблюдения проектами, такие как уровни загрязнения²⁸. Помимо смягчения последствий нарушения экологических комплексов трансграничное водное сотрудничество может содействовать их регенерации, к примеру, через создание нерестилищ для морских видов рыб, восстановление благоприятной среды для мигрирующих птиц и обмена передовыми опытом и технологиями засухоустойчивого земледелия²⁹.

Помимо сфер здравоохранения и экологии, недостаточный доступ к воде может приводить к высоким социальным издержкам. В частности, в его результате может усугубляться гендерное неравенство, поскольку именно женщины и девочки в большинстве случаев несут ответственность за транспортировку воды на большие расстояния (от источника до домохозяйства) для домашних и санитарных нужд, что подвергает их более высокому риску насилия и травмирования. Кроме этого, хотя уязвимые группы зачастую исключаются из обсуждения вопросов УВР – особенно на трансграничном уровне – именно они, как правило, страдают от негативных последствий мероприятий по развитию и ненадлежащих управленческих мер³⁰. К наиболее распространенным примерам этого можно отнести переселение беднейших сельских сообществ при строительстве плотин и связанных с ними водохранилищ, а также нарушение речного стока, что отрицательно влияет на натуральное сельское хозяйство,

которое опирается на менее универсальные методы орошения³¹.

Региональная интеграция: экономика, дипломатия и укрепление мира

Преимущества трансграничного водного сотрудничества выходят за рамки прямых экономических, социальных и экологических выгод, которые получают страны. Сотрудничество в сфере водных ресурсов может стимулировать углубление региональной экономической и политической интеграции между странами, которая, в свою очередь, также несет разнообразные экономические и политические преимущества. Недавний пример такого сотрудничества между Индией и Бангладеш, которые совместно со Всемирным банком осуществляют проект стоимостью 400 млн долл. США, помогает этим государствам перевозить больше товаров по внутренним водным путям, что способствует расширению торговли при одновременном сокращении транспортных расходов и задержек при перегрузке³².

Водное сотрудничество может продолжаться даже тогда, когда более широкие отношения складываются не лучшим образом. Меконгский комитет (1957-1976 гг.) и Временный Меконгский комитет (1978-1992 гг.) существовали и действовали в контексте «холодной войны», которая разделила прибрежные государства между антикоммунистическим и прокоммунистическим блоками. Предшественник Меконгской речной комиссии является «одним из очень немногих региональных институтов, которые пережили тяжелый период «холодной войны» и идеологической конфронтации»³³.

2. «Blue Peace» в бассейнах рек Сырдарья и Амударья

2.1 Географические и гидрологические данные

А) Сырдарьинский речной бассейн

Сырдарья – самая длинная река Центральной Азии, берущая свое начало в горах Кыргызстана и Таджикистана и являющаяся главным источником пресной воды для плодородных земель Ферганской долины в Узбекистане и на юго-западе Казахстана³⁴. Ранее Сырдарья, также как и Амударья, расположенная южнее, была крупным источником питания Аральского моря, но интенсивное использование этого водотока для целей орошения с середины XX века привело к его существенному истощению и практически полному исчезновению Аральского моря³⁵.

Притоки Сырдарьи – реки Нарын и Карадарья – образуются в западном Тянь-Шане на территории Кыргызстана и соединяются в восточной части

Ферганской долины на территории Узбекистана³⁶. Сырдарья течет в западном направлении по северному краю долины через восточный Узбекистан и северный Таджикистан, а потом поворачивает на север Узбекистана, где принимает воды еще несколько своих притоков, главным из которых является Чирчик³⁷. Далее по течению река образует Чардарьинское водохранилище на границе Узбекистана и Казахстана, а после этого несет свои воды на северо-запад через Туранскую равнину по направлению к Аральскому морю. Оросительные каналы, идущие от Сырдарьи, обеспечивают водой растениеводство в Узбекистане, Таджикистане и Казахстане. Во всех четырёх прибрежных государствах также функционируют гидроэлектростанции – особенно в верхнем течении Нарына в Кыргызстане – самой крупной из которых является Токтогульская ГЭС³⁸.

Б. Амударьинский речной бассейн

Амударья – крупнейшая река Центральной Азии по объёму годового стока – берет свое начало в горах Афганистана и Таджикистана, и является одним из немногих источников воды для степных и пустынных районов Узбекистана и Туркменистана в своих низовьях³⁹. С середины XX века река широко эксплуатируется для оросительных целей, что привело к ее пересыханию, не достигая Аральского моря⁴⁰.

Исток Амударьи находится в Таджикистане – река образуется слиянием рек Пяндж и Вахш, первая из которых составляет границу между Афганистаном и Таджикистаном, а вторая также берет начало на Памире и в Кыргызстане. * По мере выхода с горной территории Амударья течёт на северо-запад в Туркменистан через пустынные районы южной части Туранской равнины. После этого она образует участок границы между Туркменистаном и Узбекистаном и в низовьях достигает северо-западного Узбекистана (Каракалпакстан), где ее русло сегодня в значительной степени утрачено ввиду исчезновения ранее обширной дельты

Амударьи в Приаралье⁴¹. Оросительные системы, питаемые за счет Амударьи, имеют ключевое значение для сельского хозяйства Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана, а расположенная выше река Вахш широко используется для выработки гидроэлектроэнергии в Таджикистане, в первую очередь, на Нурекской ГЭС и строящейся в настоящее время Рогунской ГЭС⁴².

Амударья питается практически исключительно за счет горных осадков и таяния ледников в летний период, при этом уровень воды в среднем течении также поднимается весной ввиду снеготаяния. Зимой в своем нижнем течении река иногда замерзает на несколько месяцев, а естественные плотины, вызванные таянием и смещением льда в верховьях, могут приводить к внезапным паводкам⁴³. Летние осадки в географической низменности – где располагаются среднее и нижнее течения Амударьи – весьма незначительны. Эксплуатация других рек, расположенных в низменностях, привело к тому, что некоторые притоки Амударьи, такие как, например, Зерафшан, пересыхают до слияния с ней⁴⁴.

*«Blue Peace Index» Амударьинского бассейна не включает Кыргызстан ввиду того, что на территории этой страны формируется менее 2% совокупного стока бассейна, а сам бассейн охватывает менее 4% территории страны. Включение Кыргызстана в индекс, таким образом, привело бы к непропорциональному искажению результатов индексирования..

2.2 Эволюция сотрудничества

В 1980-х гг. для управления ресурсами рек Амударья и Сырдарья советскими водохозяйственными органами были созданы бассейновые водохозяйственные организации (БВО) – Бассейновая водохозяйственная организация «Амударья» и Бассейновая водохозяйственная организация «Сырдарья»⁴⁵. После распада СССР новые независимые государства Центральной Азии признали необходимость коллективного управления этими БВО. В соответствии с Алматинским соглашением, подписанным в 1992 году, страны региона создали Межгосударственную координационную водохозяйственную комиссию Центральной Азии (МКВК)⁴⁶, мандат которой включает обеспечение регионального сотрудничества в области управления трансграничными водными ресурсами посредством оперативных мероприятий, включая утверждение и осуществление мер по распределению водных ресурсов среди стран бассейна и определение ключевых направлений региональной политики в области водных ресурсов⁴⁷. Мандат МКВК также предполагает функционирование обеих БВО в качестве исполнительных органов⁴⁸. Ввиду военных конфликтов в Афганистане (при советском участии и последующей гражданской войны) и сложных политических отношений с прибрежными соседями в советское и постсоветское время Афганистан не был приглашен к вступлению в МКВК в момент ее образования.

В 1998 г. Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан подписали соглашение о совместном управлении Сырдарьей с целью удовлетворения разнонаправленных национальных интересов в использовании водных ресурсов, а именно производства электроэнергии в зимнее время (Кыргызстан) и орошения в летнее время (государства в

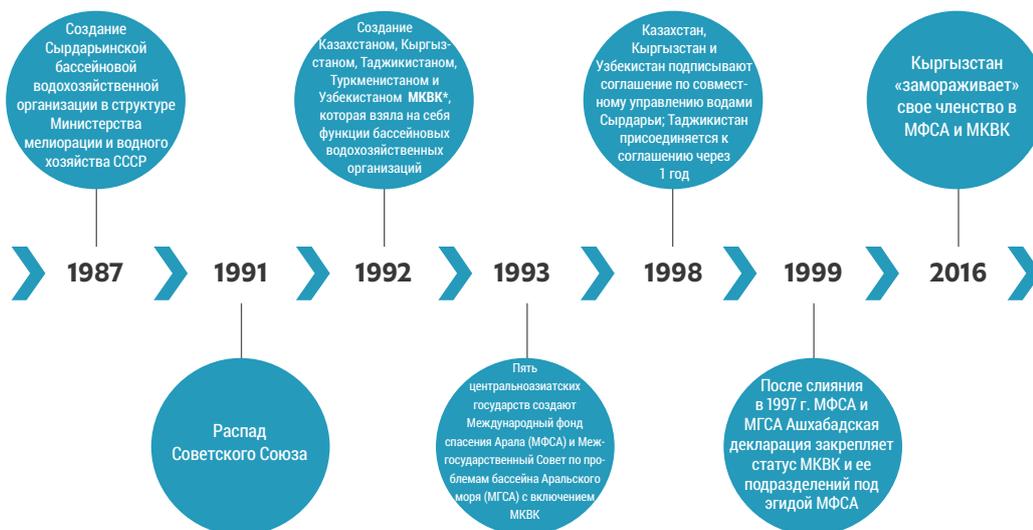
низовьях). Таджикистан присоединился к соглашению в 1999 году. Однако это соглашение оказалось несостоятельным, поскольку не учитывало интересы стран, расположенных в верховьях, в полноводные годы и стран, расположенных в низовьях, в маловодные годы. Реализации соглашения также мешало то, что новые независимые государства развивались разными темпами, а различия в национальных интересах приводили к конкуренции и взаимному недоверию⁴⁹.

В 1999 г. так называемая Ашхабадская декларация закрепила статус МКВК и ее исполнительных органов под эгидой Международного фонда спасения Арала (МФСА). Слияние и объединение в рамках одной организации было направлено на упрощение административных процедур, сокращение дублирования усилий и улучшение координации между заинтересованными сторонами. Были созданы институциональные структуры для проведения регулярных совещаний, секретариат, научноинформационный центр (НИЦ) МКВК и региональные отделения. И хотя эффективность работы данной структуры управления ставилась под сомнение, в период с 2008 по 2012 гг. – по инициативе Казахстана и при поддержке, в частности, Таджикистана и Кыргызстана – предпринимался ряд попыток реформировать различные элементы МФСА, которые все же не увенчались успехом⁵⁰. В 2016 г. Кыргызстан заявил о приостановлении своего членства в МФСА, сославшись на несоблюдение своих интересов, и с тех пор не участвует в совещаниях МКВК по вопросам вододелия. В 2018 г. президент Кыргызстана присутствовал в качестве гостя на заседании МФСА, на котором другие государства-члены признали обоснованность претензий Кыргызстана, что, впрочем, не позволило достичь какого-либо прогресса в

разрешении сложившейся ситуации⁵¹. Кроме этого, несмотря на то что Афганистан является одним из прибрежных государств в Амударьинском бассейне, за исключением ряда двусторонних

договоренностей он никак не вовлечен в соответствующие институциональные процессы или широкий региональный диалог.

Эволюция сотрудничества в Сырдарьинском бассейне

Источник: Аналитический отдел журнала «Экономист».

*МКВК - Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия
*МФСА - Международный фонд спасения Арала
*МГСА - Межгосударственный Совет по проблемам бассейна Аральского моря

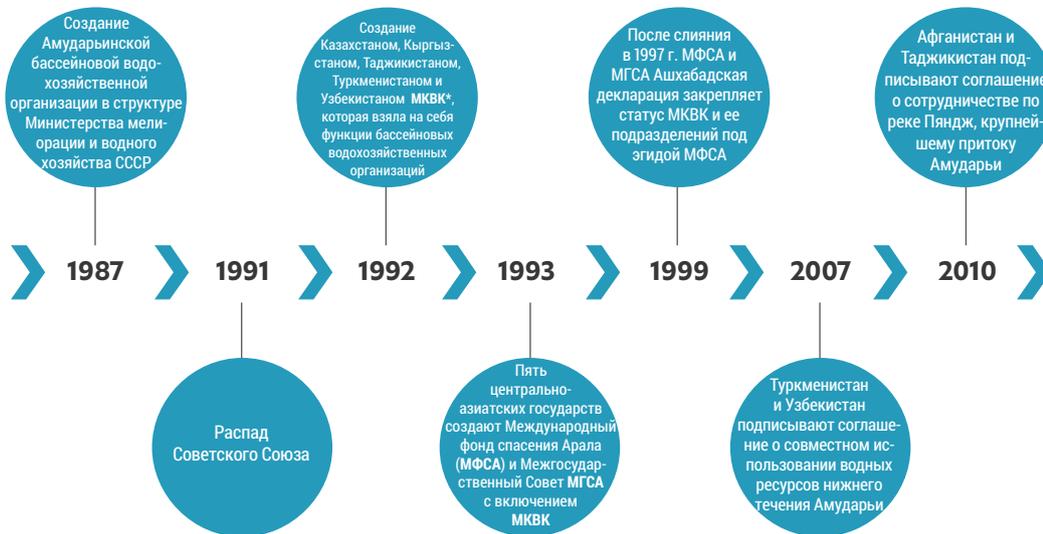
2.3 Бассейны сегодня

Сегодня ситуация в бассейнах характеризуются продолжающимся, но несистематическим диалогом и сотрудничеством в рамках МФСА и, во все большей степени, по двусторонним каналам. Прибрежные государства управляют водными ресурсами на повседневной основе через БВО «Сырдарья» и БВО «Амударья», а уполномоченные водохозяйственные органы стран сотрудничают друг с другом и международными организациями в рамках совместных программ и проектов НИЦ МКВК⁵².

Вместе с тем, несмотря на наличие институциональных механизмов трансграничного сотрудничества на территории всего бассейна, на практике эффективность описанной выше модели остается низкой⁵³. На

региональном уровне координация в основном ограничивается решением оперативных задач по вододелению и проведением мероприятий по наращиванию потенциала. По словам д-ра Искандара Абдуллаева из Института центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (CAREC), отсутствие консенсуса по более широким вопросам мешает выработке в рамках регионального диалога долгосрочного видения⁵⁴. В 2020 г. специалистами НИЦ МКВК был разработан ряд предложений по совершенствованию оперативной деятельности БВО, в том числе по эффективному водопользованию и интегрированному управлению водными ресурсами (ИУВР), однако они не получили необходимой поддержки со стороны государств-членов, что свидетельствует об отсутствии доверия и взаимодействия по многосторонним каналам⁵⁵. Попытки реформи-

Эволюция сотрудничества в Амударьинском бассейне

*МКВК - Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия
 *МФСА - Международный фонд спасения Арала
 *МГСА - Межгосударственный Совет по проблемам бассейна Аральского моря

Источник: Аналитический отдел журнала «Экономист».

ровать структуры МФСА и МКВК в последние годы, независимо от того, предпринимались ли они государствами-учредителями или НИЦ МКВК, потерпели неудачу, главным образом из-за отсутствия доверия между заинтересованными сторонами⁵⁶. Одним из факторов, стимулирующих недоверие и низкий уровень сотрудничества, является мнение государств-членов о том, что БВО «Сырдарья», БВО «Амударья» и НИЦ МКВК являются преимущественно «узбекскими» учреждениями, поскольку их штаб-квартиры находятся в Узбекистане.

Тем не менее, двусторонняя координация действий последних лет уже принесла некоторые плоды в сфере УВР, выразившиеся в частых совещаниях и активной работе рабочих групп по различным аспектам управления трансграничными водами⁵⁷. Примером многообещающих двусторонних усилий прибрежных государств Сырдарьинского бассейна, выходящих за его пределы, является Чу-Таласская водохозяйственная комиссия, созданная

Казахстаном и Кыргызстаном в 2002 г. и получающая частую поддержку со стороны международных партнеров⁵⁸. Начиная с 2016 г., улучшение отношений между Узбекистаном и его соседями также способствует более тесному сотрудничеству по ряду водных вопросов. Примером успешных двусторонних отношений является отказ Узбекистана от своих длительных возражений против строительства Рогунской плотины в Таджикистане, несмотря на опасения по поводу того, что заполнение водохранилища ГЭС может значительно сократить объем речного стока, фактически доходящего до расположенного в низовьях Узбекистана, и негативно сказаться на его водной безопасности^{59,60}. Еще одним заметным событием в этой связи является создание в 2018 г. Казахстанско-Узбекской совместной рабочей группы по вопросам охраны окружающей среды и качества вод бассейна реки Сырдарья⁶¹.

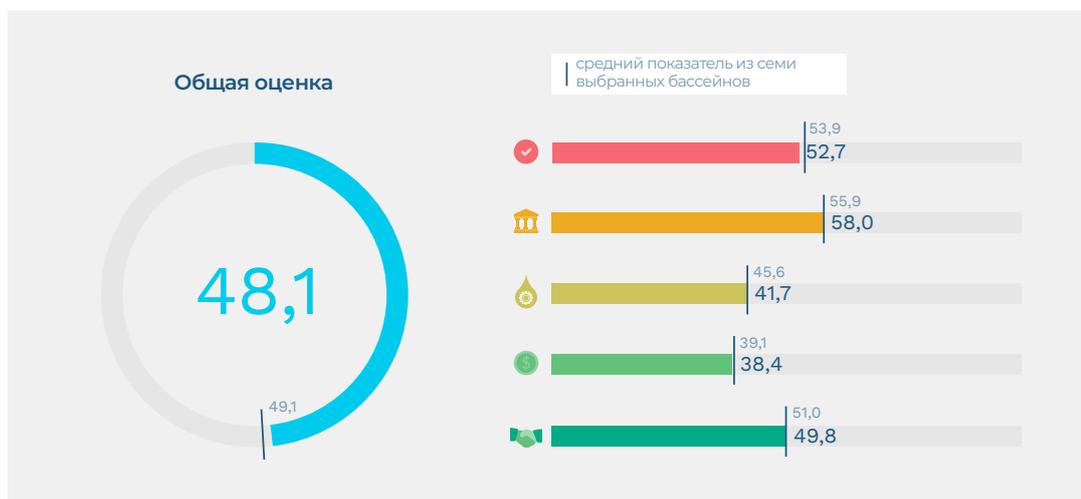
Аналогичным образом, Афганистан – как прибрежное государство бассейна Амударьи – в последние годы проявляет

активную готовность сотрудничать со своими прибрежными соседями как в двустороннем, так и в многостороннем форматах. И хотя он не участвует в диалоге на региональном уровне и его полноценное участие в МКВК все еще остается делом отдаленного будущего, Афганистан уже наладил двусторонние отношения с Таджикистаном по реке Пяндж⁶². Д-р Искандар Абдуллаев отмечает, что, хотя члены МКВК и признают, что Афганистан нельзя исключать из взаимодействия, они опасаются потенциальных изменений в динамике работы организации в случае получения Афганистаном членства. Расширение двусторонних усилий может стать первым шагом в деле совершенствования региональной системы УВР.

2.4 Результаты индексирования

В целом, показатели по бассейнам как Сырдарья, так и Амударья, ниже среднего по сравнению с другими бассейнами, оценка которых проводилась в рамках «Blue Peace Index» - они заняли 5-е и 6-е места, соответственно. Оба бассейна находятся в сложных экономических и политических условиях, которые только усугубляют и без того непростой контекст сотрудничества. Сырдарьинский бассейн продемонстрировал более высокие показатели, чем Амударьинский, по всем индикаторам индекса. Вместе с тем, каждый из бассейнов характеризуется своими относительными благоприятными и неблагоприятными факторами.

А. Сырдарьинский речной бассейн

Благоприятные факторы

Несмотря на общую сложную ситуацию в бассейне Сырдарьи, в некоторых сферах трансграничного водного сотрудничества наблюдается определенный положительный потенциал. Все четыре прибрежные государства имеют общие исторические и институциональные связи, поддерживают постоянный диалог, а в последнее время также предпри-

няли конкретные шаги по углублению экономической интеграции⁶³.

На национальном уровне все страны располагают, по крайней мере, некоторыми институциональными механизмами УВР, в том числе платформами и базами данных для внутреннего обмена информацией, несмотря на все еще недостаточно

эффективное их использование. Что касается бассейнового уровня, Алматинское соглашение и соответствующие институциональные структуры были разработаны и используются всеми прибрежными государствами, несмотря на приостановленное членство Кыргызстана в МФСА. Так, относительно прочный институциональный фундамент для расширения потенциала обеспечивается благодаря доступу заинтересованных стран к некоторым целевым программам (хотя и немногочисленным в последние годы ввиду бюджетных ограничений) НИЦ МКВК, а также к ряду специальных и постоянных программ, финансируемых международными донорами⁶⁴.

Важно отметить, что все прибрежные страны продемонстрировали ту или иную степень готовности присоединиться к многосторонним соглашениям. Так, Узбекистан и Казахстан подписали Конвенцию по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций (ЕЭК ООН) 1992 г., а Узбекистан также подписал Конвенцию о праве несудоходных видов использования международных водотоков ООН 1997 г. Кроме этого, Казахстан и Кыргызстан поставили свои подписи под Конвенцией об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Конвенция Эспо) 1991 г. Однако Таджикистан и Кыргызстан – как страны, расположенные в верховьях рек – не присоединились к основным водным конвенциям ООН⁶⁵.

Вызовы

Тем не менее, Сырдарьинский бассейн сталкивается с рядом проблем во всех сферах, охватываемых индексом, включая значительное давление

на водные ресурсы и социально-экономические и политические трудности во всех прибрежных государствах. Кыргызстан, к примеру, в течение трех десятилетий независимости столкнулся со значительной политической волатильностью и стал ареной политических волнений, последние из которых имели место в октябре 2020 г. Государства, разделяющие бассейн, также все еще находятся в процессе национального строительства и формулировки суверенных повесток. В условиях все еще ограниченного регионального взаимодействия, общий ландшафт трансграничного водного сотрудничества в Центральной Азии остается сложным.

Кроме этого, мандат МКВК и ее подразделения БВО «Сырдарья» - полноправными членами которой являются лишь три прибрежные государства – на практике в основном ограничивается мерами по управлению вододелием, установлением квот и мероприятиями по расширению потенциала. Комиссия не обладает ни полномочиями, ни возможностями для осуществления более широкого управления трансграничными водами и, вместо этого, делегирует эти функции отдельным государствам-членам. Несмотря на ряд двусторонних усилий, недостаточное региональное сотрудничество в области борьбы с загрязнением, ликвидации последствий стихийных бедствий и, что крайне важно, развития инфраструктуры, делает бассейн особенно уязвимым к изменению климата.

На национальном уровне, несмотря на приверженность принципам устойчивого УВР, внедрение принципов интегрированного управления водными ресурсами (ИУВР) и передовых подходов к оценке воздействия на окружающую

среду (ОВОС), равно как и мер по борьбе с загрязнением и ликвидации последствий стихийных бедствий, отстает от международных передовых практик. В то время как внутристрановые инвестиционные условия могут быть относительно благоприятными – особенно в Казахстане и Кыргызстане – по сравнению с другими формирующимися рынками, водный сектор в значительной степени испытывает недофинансирование. В частности, по мнению д-ра Абдуллаева, сектор фактически закрыт для частных инвестиций, что ставит его в прямую зависимость от финансирования со стороны национальных правительств и международных доноров. Проблема усугубляется отсутствием внутренних механизмов финансирования в самом бассейне. Так, МФСА не имеет собственных источников финансирования и, следовательно, ограничен в своих возможностях по масштабному инвестированию в сектор.

В регионе имеется обширная трансграничная водная инфраструктура – в первую очередь, крупные плотины и водохранилища в верховьях рек на территории Кыргызстана и Таджикистана – структура которой планировалась в рамках централизованной советской системы управления и была унаследована государствами бассейна со времен, когда все они были советскими республиками⁶⁶. Хотя наличие физической инфраструктуры и может служить существенной движущей силой трансграничного водного сотрудничества, в случае Центральной Азии это, наоборот, является сдерживающим фактором. Имеющиеся инфраструктурные объекты слишком крупные и устарели. Ввиду высоких затрат, связанных с их содержанием и модернизацией, а также низкого уровня доверия и координации, целевые инвестиции со стороны

новых независимых прибрежных государств недостаточны. Таким образом, хотя в последние годы объем финансирования водного сектора и вырос, он попрежнему недостаточен для устойчивого управления необходимой инфраструктурой.

Потенциальные возможности

В условиях, когда сотрудничество на бассейновом уровне в настоящее время ограничивается мероприятиями по водodelению и расширению технического потенциала, необходимо продолжать наращивать двусторонние и многосторонние усилия в других сферах, таких как совместная оценка, борьба с загрязнением и стихийными бедствиями. Обнадеживающие шаги уже имеют место, например, деятельность Казахстанско-Узбекской рабочей группы по вопросам охраны окружающей среды и качества воды бассейна реки Сырдарьи, и запущенное в 2019 г. трехстороннее сотрудничество между Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном по трансграничному реагированию на стихийные бедствия, планированию и снижению рисков, включая трансграничную систему раннего оповещения. Вместе с тем, такие механизмы должны включать не только «реактивные» (реагирующие), но и превентивные мероприятия. Кроме этого, обмен информацией и совместное обучение могли бы способствовать разработке национальных планов реагирования и адаптации, в настоящее время не соответствующих международным стандартам. Многообещающие примеры сотрудничества в смежных областях, такие как финансируемый донорами фонд по рекультивации урановых объектов на территории Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистане, могли бы укрепить политическую волю к сотрудничеству и придать ему новый импульс.

В конечном счете, однако, для активного содействия расширению сотрудничества государства-учредители МФСА могли бы пересмотреть нынешнюю функцию фонда в качестве механизма водodelения и установления квот на водные ресурсы и внедрить эффективную модель ИУВР, которая учитывает текущие вызовы, такие как взаимосвязь (также, «нексус») «вода-энергия-продовольствие» в контексте меняющегося климата⁶⁷. Одним из способов достижения этой цели фондом является реформирование системы ценообразования на водные и энергетические ресурсы с целью совершенствования методик оценки водных ресурсов, что, в свою очередь, содействовало бы более устойчивому использованию как водных, так и энергетических ресурсов. Данный подход также мог бы позволить генерировать прибыль для финансирования необходимого обслуживания и модернизации инфраструктуры⁶⁸.

В регионе уже отчасти существует необходимая основа для регионального управления водными ресурсами, и одним из ключевых благоприятных факторов здесь является наличие институциональных механизмов и возможностей для наращивания технического потенциала и ведения научно-исследовательской деятельности. Вместе с тем, эффективность существующих организаций остается низкой, они требуют реформирования, дальнейшего развития и финансирования в целях укрепления доверия и сотрудничества в области обмена данными и информацией. Крайне важно, чтобы все прибрежные государства обеспечивали транспарентное и стабильное финансирование совместных мероприятий по развитию и деятельности в рамках МФСА. Углубление технического сотрудничества и проведение мероприятий

по наращиванию потенциала имеют важное значение для выявления и понимания потенциальных общих выгод и более широкой экономической ценности водных ресурсов. Целевые усилия по наращиванию потенциала и технической помощи, в конечном итоге, должны привести к улучшению политических отношений в регионе. Заинтересованные страны также должны уделять приоритетное внимание созданию устойчивых каналов мобилизации внутреннего финансирования на цели совершенствования региональной системы УВР, так как текущая зависимость проектов по наращиванию потенциала от поддержки международных доноров не является устойчивым подходом.

Аналогичным образом, необходимо расширять доступ к данным и обмен ими для целей принятия обоснованных и информированных решений, особенно учитывая то, что обмен информацией помогает укреплять доверие как внутри стран, так и между ними⁶⁹. Дальнейшее развитие существующих платформ для публикации данных и информации, таких как Центральноазиатский портал информации о водных ресурсах и Региональная информационная система по использованию водных и земельных ресурсов НИЦ МКВК, и, что особенно важно, активное участие в этом местных и региональных заинтересованных сторон, могло бы укрепить доверие между исполнительными лицами и организациями и сообществами, равно как и смягчить обеспокоенность по поводу «скрытых» интересов отдельных прибрежных государств. Более активное развитие отдельных малых бассейновых советов (МБС) могло бы способствовать достижению этой цели, при условии создания благоприятной для их деятельности национальной и региональной среды. При условии

получения такими децентрализованными группами определенного правового статуса в рамках общей системы УВР, наращивание их потенциала позволит более эффективно решать местные задачи и повышать эффективность управления речными бассейнами в целом. Кроме этого, переориентация усилий по сотрудничеству на суб-

бассейновый уровень и укрепление субрегионального двустороннего и трехстороннего научно-технического и политического сотрудничества может указать выход из сложившейся «тупиковой ситуации», вызванной сложностями на региональном уровне⁷⁰.

Б. Амударьинский речной бассейн

Благоприятные факторы

В целом ситуация в бассейне реки Амударья остается чрезвычайно сложной, хотя ряд направлений трансграничного водного взаимодействия и характеризуется определенным прогрессом. Так, все целевые прибрежные страны имеют в той или иной степени действующие системы мониторинга распределения воды, а три государства-члена МКВК обладают доступом к программам по наращиванию потенциала по линии НИЦ МКВК. Хотя в последнее время деятельность НИЦ по наращиванию потенциала и сократилась из-за бюджетных ограничений, рядом специальных и постоянных программ, реализуемых при поддержке международных доноров, обеспечивается относительно прочная

институциональная основа для развития технического потенциала⁷¹.

Кроме этого, некоторые из прибрежных государств продемонстрировали готовность присоединиться к многосторонним водным соглашениям. Так, Узбекистан и Казахстан уже являются подписантами Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер ЕЭК ООН 1992 г., а Узбекистан также и Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков ООН 1997 г.

Вызовы

Амударьинский бассейн сталкивается со значительными проблемами во всех сферах, охватываемых индексом, в том числе испытывает значительный

дефицит воды, а все прибрежные страны – со множеством насущных социальных, экономических, политических трудностей и вызовов в сфере безопасности. Ожидается, что дефицит воды в бас-сейне будет только усугубляться, в основном из-за последствий изменения климата, роста численности населения и ожидаемого удвоения Афганистаном забора воды к 2035-2045 гг.⁷² Кроме этого, неэффективность и расточительность ирригационных практик в Туркменистане влекут значительные потери воды, лишь усугубляя региональный водный дефицит еще больше⁷³.

Региональное сотрудничество и интеграция между четырьмя прибрежными странами все так же крайне ограничены, что только усложняет общую координацию действий. Мандат МКВК и ее исполнительного органа БВО «Амударья» – полноправными членами которой являются лишь три из прибрежных государств – в основном ограничивается вопросами распределения водных ресурсов, формирования водной политики и некоторыми мероприятиями по наращиванию потенциала, и не предполагает более широкого управления трансграничными водами. Недостаточный уровень сотрудничества в области борьбы с загрязнением и стихийными бедствиями, а также инфраструктурных инвестиций повышает уязвимость бассейна к последствиям изменения климата, обостряя текущие социально-экологические вызовы. Низкий уровень сотрудничества в сфере инфраструктурных инвестиций частично обусловлен тем, что бассейн унаследовал крупную трансграничную водную инфраструктуру, которая в советское время планировалась в качестве элементов централизованной системы управления. Масштаб и количество гидротехнических объектов, в том

числе больших плотин и водохранилищ, приводит к очень высоким затратам на их содержание и модернизацию, и прибрежные государства отказываются вкладывать значительные средства в их содержание⁷⁴. Во многом это связано с децентрализацией и национализацией систем УВР суверенными государствами, возникшими в регионе после 1991 года, а также с отсутствием взаимного доверия между ними.

Кроме того, интересы стран бассейна также различаются, а подписанные соглашения не учитывают все существующие опасения. Так, хотя между Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном и существуют различные договоренности, устанавливающие текущие ежегодные правила водопользования между этими странами, соответствующие соглашения не содержат положений о будущих потенциальных изменениях в отношениях, которые могут вызвать определенные проблемы⁷⁵. Кроме этого, невзирая на стремление Афганистана к участию, тот факт, что большую часть границы бассейна Амударьи он делит с относительно обособленным Туркменистаном, создает препятствия для его усилий в сфере регионального взаимодействия. Исключение Афганистана из регионального диалога, а вместе с ним и реалистичное удовлетворение его водных потребностей, остается одним из главных «слабых мест» сложившейся к настоящему моменту архитектуры взаимоотношений.

Потенциальные возможности

Бассейн реки Амударья уже имеет некоторые основные структуры, необходимые для регионального управления водными ресурсами, включая развитую институциональную основу для сотрудничества. Вместе

с тем, ограниченная направленность и узость мандатов МФСА и МКВК означают, что в настоящее время ни та, ни другая организация не в состоянии решать текущие и будущие вызовы, которые возникают ввиду меняющихся национальных интересов государств-членов и общерегионального контекста^{76 77}. Сегодня сотрудничество на бассейновом уровне в основном ограничивается вопросами водodelения и определенными мероприятиями по наращиванию технического потенциала. Текущие технические инициативы – такие как исследовательский проект МКВК «Адаптация системы управления трансграничными водами в бассейне реки Амударья к климатическим неопределенностям» – следует использовать для выстраивания диалога между прибрежными государствами по ключевым вызовам и потенциальным возможностям. Двусторонние усилия, такие как туркмено-узбекская комиссия по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству и соглашение о сотрудничестве по реке Пяндж между Афганистаном и Таджикистаном, необходимо поощрять в качестве мер по укреплению доверия и постепенно распространять на другие сферы деятельности, такие как совместная оценка, борьба с загрязнением и стихийными бедствиями.

Конструктивное взаимодействие государственного и водохозяйственного секторов (энергетика, окружающая среда, водоснабжение, местные органы власти) на региональном и местном уровнях играет важную роль в достижении консенсуса, преодолении недоверия между прибрежными государствами и сообществами, равно как и в предотвращении чрезмерного влияния на региональную водную повестку узконаправленных интересов

и эксплуатации водных ресурсов в целях получения краткосрочной экономической выгоды. Следует также поддерживать дальнейшее развитие отдельных МБС, деятельность которых стимулирует сотрудничество на малых трансграничных реках Центральной Азии. Кроме этого, необходимо расширять децентрализацию и потенциал на суб-бассейновом уровне посредством реализации дву- и трехсторонних соглашений, регулирующих конкретные объекты инфраструктуры и координирующих использование водных ресурсов в суб-бассейнах⁷⁸. Соответствующие договоренности станут хорошим дополнением к региональному техническому сотрудничеству в сфере обмена данными и информацией, позволят укрепить доверие между партнерами, проложат путь к расширению регионального сотрудничества и обеспечат странам более широкие возможности для решения внутренних задач.

Еще одним важным направлением работы является наращивание общего институционального и управленческого потенциала как на национальном, так и на региональном уровнях. На национальном уровне Афганистану и Туркменистану все еще необходимо решить ряд базовых задач. Так, экологический мониторинг в Туркменистане осуществляется с использованием устаревшего оборудования, а соответствующие данные не являются ни общедоступными, ни прозрачными⁷⁹. При условии обеспечения стабильного и достаточного финансирования все заинтересованные государства могли бы воспользоваться потенциалом страновых отделений НИЦ и МФСА, а также рядом программ, поддерживаемых международными донорами. Однако, прежде всего страны должны создать эффективную базу для активного сотрудничества и устойчивые

каналы внутреннего финансирования. Нынешняя неэффективная конструкция МФСА, не обладающего собственными долгосрочными источниками финансирования, и характеризующаяся неэффективной процедурой ротации председательства – которая может приводить к многолетнему бездействию – указывают на то, что внутренние механизмы финансирования малопродуктивны. И хотя техническое

сотрудничество в рамках финансируемых на международном уровне проектов действительно может содействовать укреплению доверия и внедрению более эффективных совместных систем обмена данными и информацией, полагаться в деле совершенствования системы регионального управления водными ресурсами в первую очередь на международных доноров не представляется устойчивым подходом.

3. Ключевые направления продвижения «Blue Peace»

Преимущества достижения «водного мира» многочисленны и разнообразны, но необходимость компромиссов и сложности, связанные с эффективным и справедливым совместным использованием вод, означают, что многим странам все еще только предстоит насладиться плодами сотрудничества в будущем. В некоторых случаях отсутствуют соответствующие механизмы или соглашения, в других – обязательства носят неформальный или разовый характер, или не связаны непосредственно с такими важными решениями как развитие инфраструктуры. Сведения о бассейнах, рассматриваемых в настоящем материале, и за их пределами, указывают на основные препятствия на пути развития «водного мира» и дают возможность сформулировать ряд конструктивных стратегий по их преодолению.

руководства и вовлечение в целевые процессы специалистов, представляющих не только водный, экологический и сельскохозяйственный секторы, для которых водохозяйственные вопросы, по традиции, являются наиболее приоритетными. Увязка водных ресурсов с более широким кругом политических целей и интеграция водной дипломатии в региональный и двусторонние политические форматы могут помочь в определении следующих шагов, пока общие выгоды еще не так очевидны.

Вовлечение политических руководителей необходимо ввиду того, что невозможно заранее определить, вызовет ли усиление дефицита воды и экологической нагрузки конфликт, или же они станут локомотивами сотрудничества. По мнению Бенджамина Пола – сотрудника Аналитического центра «adelphi», занимающегося вопросами климата, окружающей среды и развития – важно сформировать «правильную группу действующих лиц». Такая группа может сформироваться в результате долгосрочного технического сотрудничества и дипломатических контактов, которые – при необходимости

3.1 Политическая воля: **Вода как приоритетный вопрос политической повестки**

Водное сотрудничество политического

– могут увязываться с принятием политических решений на самом высоком уровне государственного управления. Как правило, это достаточно длительный и нелинейный процесс.

Во многих контекстах РБО и механизмы сотрудничества сосредоточены на научных исследованиях и обмене информацией. Эта составляющая, вне всякого сомнения, имеет критическое значение. Разногласия по поводу основных эмпирических показателей, например, объем стока, количество воды и гидрологической динамики, сводят на нет все попытки принятия совместных решений о водodelении, коллективном использовании ресурсов или совместной оценке воздействия проектов. Вместе с тем, фокусировка внимания только на научно-технических вопросах может ослабить влияние исследовательской составляющей, если политические деятели или разработчики проектов не используют соответствующие разработки при принятии целевых решений.

Опыт различных бассейнов, включая семь, которые стали предметом настоящего исследования, показывает, что наиболее эффективные трансграничные механизмы непосредственно связаны с высокопоставленными политическими должностными лицами, имеют независимый статус и обладают полномочиями регулировать определенные вопросы. Для этого может потребоваться «отказ» государствами от определенной части суверенитета. Международная комиссия по защите реки Дунай (МКОРД) – один из примеров механизма с особым юридическим статусом. Комиссия может действовать независимо и разрабатывать целевые показатели в области борьбы с загрязнением, уменьшения опасности наводнений и улучшения состояния

окружающей среды⁸⁰. Еще одним примером является Организация по развитию бассейна реки Сенегал (ОРБС). Ее члены уступили некоторые элементы суверенитета в пользу ОРБС, которая подотчетна главам государств, а не отраслевым министерствам. В отличие от этих двух случаев, одной из проблем, стоящих перед МРК, является отсутствие у нее полномочий предписывать действия правительствам. Изначально МРК не задумывалась как организация, которая могла бы выступать в качестве посредника, арбитра или органа, определяющего пути развития Меконгского бассейна – особенность, которая сегодня ограничивает возможности МРК влиять на реализуемые в бассейне проекты. Данная проблема становится все более очевидной по мере увеличения масштабов и количества инфраструктурных инициатив в регионе.

Политическая воля может также подкрепляться «увязкой вопросов», т.е. когда выгоды от водного сотрудничества увязываются с другими приоритетами, например, обеспечением политической безопасности, формированием благоприятного климата для ведения предпринимательской или инвестиционной деятельности, или производством энергии. По мнению Грега Шапланда из «Chatham House», соответствующие соглашения также могут быть связаны с другими задачами, например, по модели «нефть в обмен на воду», которые уже приносят пользу Ираку и Турции, в ситуации, когда одна из сторон богата ресурсом, дефицитным для второй стороны, и наоборот. Таким же образом, Узбекистан и Кыргызстан могли бы возобновить схему «уголь в обмен на воду», действовавшую между ними во времена Советского Союза. Страны могут также увязать свои общие водные ресурсы с более широкими дипломатическими соглашениями,

такими как мирный договор 1984 года между Иорданией и Израилем, который можно рассматривать как соглашение по модели «признание за воду».

Тем не менее, эксперты предупреждают, что форматирование водных отношений по транзакционным лекалам также может привести к размытию главного принципа, лежащего в основе основ нашего понимания того, что есть вода, и как ей необходимо управлять, т.е. что доступ к воде – это право человека. Так, в сирийско-турецком соглашении 1987 г. вода выступает в качестве инструмента обеспечения взаимной безопасности, а не как ресурс, использование которого должно основываться на общих правах и потребностях.

Кроме того, придание РБО политического статуса или увязка водных ресурсов с политическими приоритетами может стимулировать поиск компромиссов. Одна из причин, почему водное сотрудничество продолжалось во время геополитического противостояния, например, в Меконгском бассейне во время «холодной войны», а также между Израилем, Иорданией и Палестиной после конфликта в Газе 2014 г., или в бассейне реки Сенегал после переворота в Мавритании, заключается именно в том, что организации, управлявшие соответствующими бассейнами не были политическими акторами. Именно это позволило заинтересованным сторонам продолжать выполнять технические задачи, несмотря на более широкую политическую напряженность. Таким образом, политизация РБО предполагает тонкий баланс – сотрудничество с государственными директивными органами, с одной стороны, и сохранение достаточно технического статуса, с другой, во избежание подверженности более широкому государственным спорам

между прибрежными странами.

3.2 Усиленные институты: **Укрепление фундамента для сотрудничества**

РБО выполняют сложную работу, требующую значительных навыков и компетенций, а также сложных технологий, например, датчиков и метеорологических станций. Сюзанна Шмейер, ведущий эксперт по РБО в UNESCO-IHE в Делфте, предполагает, что это может быть сложной задачей, особенно в условиях ограниченности материально-технической базы. Другое институциональное ограничение касается юридических и переговорных полномочий, которые крайне важны, если предполагается, что РБО должны участвовать в формировании решений по спорным вопросам.

Положительным фактором является то, что страны с низким и средним доходом смогли сформировать значительный институциональный потенциал, несмотря на изначальные неблагоприятные условия. Когда в 1995 г. было подписано Меконгское соглашение, по мнению Всемирного банка прибрежные страны превзошли ряд государств с развитой экономики, а именно США и Канаду, по динамике процессов и решительности шагов⁸¹. Участники интервью в рамках настоящего исследования также отметили, что Сирия удивительным образом смогла сохранить свой водохозяйственный институциональный потенциал несмотря на войну, что еще раз подчеркивает высокое политическое значение воды.

Донорская поддержка также имеет значение, особенно в обеспечении первоначальных ресурсов и

рекомендаций. Агентства ООН и Всемирный банк сыграли критическую роль в поддержке создания и раннего развития многих водных организаций сотрудничества. ЕС также оказывал важную поддержку своим региональным организациям. Так, Пакт о стабильности для Юго-Восточной Европы проложил путь к сотрудничеству среди стран бассейна реки Савы. Кроме этого, финансовая и грантовая помощь со стороны Европейского союза содействовала разработке и внедрению планов управления в Дунайском бассейне, в том числе по сбору данных и мониторингу загрязнения, в то время как Европейский инвестиционный банк (ЕИБ) оказал поддержку мерам по повышению защиты от наводнений в наиболее бедных восточных европейских странах, например, Сербии⁸².

3.3 Укрепление доверия: **Сохранение исторической динамики**

Отсутствие компромисса между использованием трансграничных вод, с одной стороны, и необходимостью защиты экосистем, с другой, могут мешать системности переговоров. Напряженность в отношениях между государствами по таким вопросам, как промышленное загрязнение и нарушение стока в результате строительства плотин, является обычным явлением. В этом контексте решающее значение для успешного ведения переговоров имеют доверие и добросовестность, которые зачастую развиваются благодаря непрерывному взаимодействию в прошлом. Другими словами, водное сотрудничество, сколь бы хрупким оно ни было на ранних этапах, позволяет создать крепкий фундамент, впоследствии позволяющий странам

успешно проходить сложные периоды во взаимоотношениях.

Существует множество примеров, когда страны заключают соглашения в самых неблагоприятных условиях, например, водное соглашение между Финляндией и Россией 1964 года. В азиатском регионе соглашение по МРК 1995 г., хотя и стало некоторым отступлением от прежних договоренностей, все же стало возможным именно благодаря опыту сотрудничества по всем вопросам, начиная со сбора данных и заканчивая планированием, накопленного странами в низовьях Меконга за предыдущие десятилетия⁸³. В Европе страны Савского бассейна, несмотря на значительную напряженность в недавней истории, все же смогли воспользоваться преимуществами общего прошлого в составе Югославии, за время которого были налажены прямые личные контакты. Они были возобновлены и содействовали последующей совместной работе.

Более глубокие исторические связи также позволяют странам преодолевать трудности. Жители бассейна реки Сенегал имеют общую «долгую историю», уходящую своими корнями во времена Малийской империи, чем обуславливается их культурная общность, которая является существенным стимулом к совместной работе. Уже в современную эпоху ОРБС, образованная в 1972 г., переняла эстафету от предыдущих совместных организаций региона: Межгосударственного комитета и Организации прибрежных государств реки Сенегал⁸⁴.

Другими словами, страны действительно могут опираться на такой предыдущий положительный опыт при обсуждении и реализации даже весьма скромных предварительных мер в качестве шагов в направлении неуклонного расширения сотрудничества.

3.4 Инклюзивное принятие решений: Поиск точек соприкосновения

Управление водными ресурсами и сотрудничество в области трансграничных водных ресурсов затрагивают права человека, а соответствующие проекты должны обеспечивать сбалансированность потребностей различных слоев общества. По мнению Джеймса Далтона из МСОП, водные конфликты возникают не между государствами, а между правительствами или коммерческими разработчиками, с одной стороны, и затронутыми сообществами, с другой, или даже между самими сообществами. Протесты и напряженность, связанные с такими проблемами, как загрязнение окружающей среды, ненадлежащая логистика мероприятий по переселению и ущерб источникам средств к существованию, оказали влияние на развитие водной инфраструктуры по всему миру – от Боливии и Бразилии до Ирана, Китая и Мьянмы. Напряженность может приобретать конфликтную динамику регулярных локальных столкновений и споров, которые потом перерастают в бытовые мифы или стереотипы вокруг мнимой водной несправедливости, что только углубляет антипатию с обеих сторон.

В свою очередь, это порождает политическую нестабильность для правительств и угрожает активам и инвестициям компаний. Так, кровавая история дельты реки Нигер, в которой вооруженные боевики и нефтяные компании десятилетиями находились в состоянии противоборства из-за споров о загрязнении окружающей среды и распределении доходов от

использования ресурсов, привела к наихудшим результатам для всех: разорению рыболовства и сельского хозяйства для жителей и огромным издержкам, авариям и репутационному ущербу для нефтяных компаний.

В рамках концепции «Blue Peace» проведение инклюзивных и основанных на широком участии консультаций при взаимодействии с законными заинтересованными сторонами имеет решающее значение⁸⁵. Организации гражданского общества и НПО должны участвовать в обсуждении, особенно вопросов развития инфраструктуры. В Азии группы гражданского общества в настоящее время активно взаимодействуют с правительствами и компаниями, а даже оспаривают те или иные проекты.

Динамика соответствующих процессов может варьироваться в зависимости от контекста. Например, в Китае по сравнению с иностранными организациями внутренние группы активистов способны лучше влиять на развитие водных ресурсов, хотя имеют место и контакты между компаниями-застройщиками и глобальными НПО, например, организацией «Международные реки» («International Rivers»). По свидетельству Кима Гехебы, во Вьетнаме сектор НПО играет конструктивную роль в решении водных вопросов. Страна также имеет впечатляющую недавнюю историю управления водными ресурсами на уровне местных сообществ. Так, один проект, реализованный в 2005-2013 гг. в дельте одной из рек на территории государства, и который позволил обеспечить доступ к воде почти 1,3 млн человек в четырех провинциях, основывался на общинных подходах – местные жители принимали активное участие в планировании

проекта, сборе средств и мониторинге выполнения работ⁸⁶. К числу других позитивных тематических примеров вовлечения сообществ относится и река Колорадо, где управляющая организация осуществляет работы по анализу воздействия запланированных мероприятий на различные группы и собирает отзывы от лиц, которые могут быть потенциально затронуты целевыми решениями. Риски в связи с неучастием в таких процессах гражданского общества весьма велики. Возможность возникновения насилия и социальных конфликтов, даже небольших масштабов, должна беспокоить правительства и транснациональные корпорации, поскольку это может подрывать стабильность и сохранность активов.

Скоординированное принятие решений также означает, что все участники проекта должны быть вовлечены в процесс структурированным образом. Одной из проблем бассейна рек Тигр-Евфрат, например, было преобладание принципа двусторонних отношений. Хотя это и может приносить легкие выгоды за счет сокращения числа переговорных вопросов, такой подход затрудняет развитие региональных механизмов и может сузить пространство для последующих региональных соглашений, создавая прецеденты и «реалии на местах», неприемлемые для новых присоединяющихся сторон.

3.5 Принятие взвешенных решений: **Информирование и взаимодействие**

Вода не является статичным ресурсом: изменение климата, моделей использования ресурсов, экономической географии и распределения водных ресурсов внутри

сообществ заинтересованных сторон делают сотрудничество непрерывным процессом, а не одноразовым соглашением.

Многие страны заключают договоры и сделки, которые срываются под давлением времени. Так, Пакт о реке Колорадо был подписан в 1922 г., когда страны верховий были обеспокоены воздействием плотины Гувера, расположенной в низовьях⁸⁷. В настоящее время существует совершенно иной набор факторов, обусловленных ростом спроса на воду в результате роста численности населения и появления региональных хабов в сельском хозяйстве, нефтегазовой промышленности и технологическом производстве. Один из участников исследования высказал критику в отношении описания дефицита воды как «засухи» ввиду неспособности такого подхода учитывать, что сегодняшние проблемы с водой обусловлены не только и не столько климатическими факторами, сколько трансформацией моделей водопользования⁸⁸.

Для обеспечения способности прибрежных сообществ реагировать на возникающие вызовы крайне важное значение имеет наличие достоверных данных и информации о речных бассейнах, равно как и воздействию таких видов деятельности как строительство плотин и промышленного производства на гидродинамику и качество воды. Только научные данные могут подсказать возможные решения. В этом смысле доноры могут оказывать помощь, такую как обеспечение технологиями мониторинга, сбора данных и обмена информацией, а также финансирование базовых бюджетов РБО, что, в первую очередь, позволит проводить научно-исследовательские изыскания. Бюджет МРК – мирового лидера в разработке

научно-обоснованных инструментов и решений – на 90% состоит из донорского финансирования⁸⁹. Необходимые данные можно также генерировать в рамках ознакомительных миссий представителей менее развитых систем в страны, лидирующие в данной отрасли, как это было в случае посещения делегациями профильных организаций из стран Ближнего Востока Рейнской гидрологической комиссии и МРК⁹⁰.

Тем не менее, научные данные и рекомендации должны находить конкретное отражение в принимаемых решениях. В данном случае прибрежным государствам необходимо переходить от простого сбора к обработке, архивированию и распространению данных с целью обеспечения внедрения по-настоящему комплексных подходов. Экономическое моделирование и имитационные модели имеют решающее значение в качестве источников исходных данных, известных как инструменты поддержки процесса принятия решений (decision support tools, DST). Ярким примером в этом отношении является ОРБС, специалисты которой, например, разработали жесткую систему управления водными ресурсами на основе «распределительных ключей» (системы кодов).

Гидроэкономическое моделирование позволяет прибрежным странам, в том числе, оценивать компромиссные варианты между использованием водных ресурсов для производства энергии или сельского хозяйства и рыболовства; создавать точные системы раннего оповещения; расширять технические знания и потенциал; улучшать понимание внутренней динамики речных бассейнов⁹¹. Важно отметить, что целевые научные исследования могут помочь формулировать вопросы в форме, интересной для директивных

органов и правительств, в тех случаях, когда призывы к защите окружающей среды не находят должного отклика. Это, например, могут быть исследования по анализу экономических потерь от сбоев в координации действий, которые приводят к наводнениям или засухам.

3.6 Финансирование: *Инвестирование в «водный мир»*

Финансирование является важнейшим стимулом – или препятствием – достижению «водного мира», и в различной степени необходимым условием реализации всех вышеперечисленных стратегий. Коллективное управление общими водными ресурсами зависит от надлежащего финансирования, в том числе мер по развитию и обеспечению работы водохозяйственных организаций, информационных систем и инфраструктуры. Однако финансирование трансграничного сотрудничества может быть затруднено, особенно если целевые проекты направлены на защиту экологии, а не на получение экономической отдачи, как в случае гидроэнергетики или инфраструктуры водного транспорта.

Доноры играют важную роль в финансовой поддержке РБО и трансграничного сотрудничества. Так, например, Трастовый фонд бассейна реки Нил был учрежден десятью донорами, включая Канаду, Данию и Швецию, общий вклад которых составил 203 млн долл. США. Донорская помощь также имеет решающее значение в деятельности Меконгской речной комиссии. Партнеры по развитию также сотрудничают с финансовыми институтами с целью поиска возможностей перенаправления большего объема капитала на цели

трансграничного сотрудничества⁹².

Наращивание объема коммерческих финансовых средств, направляемых в сектор «водного мира», и обеспечение ситуации, при которой капитал, поступающий в регионы речных бассейнов, поддерживает, а не подрывает сотрудничество в области водных ресурсов, имеет ключевое значение. Это замечание особенно справедливо, учитывая мизерность объема инвестиций в охрану окружающей среды, РБО и организации водного сотрудничества по сравнению с объемами частного финансирования проектов по строительству плотин и экономической инфраструктуры.

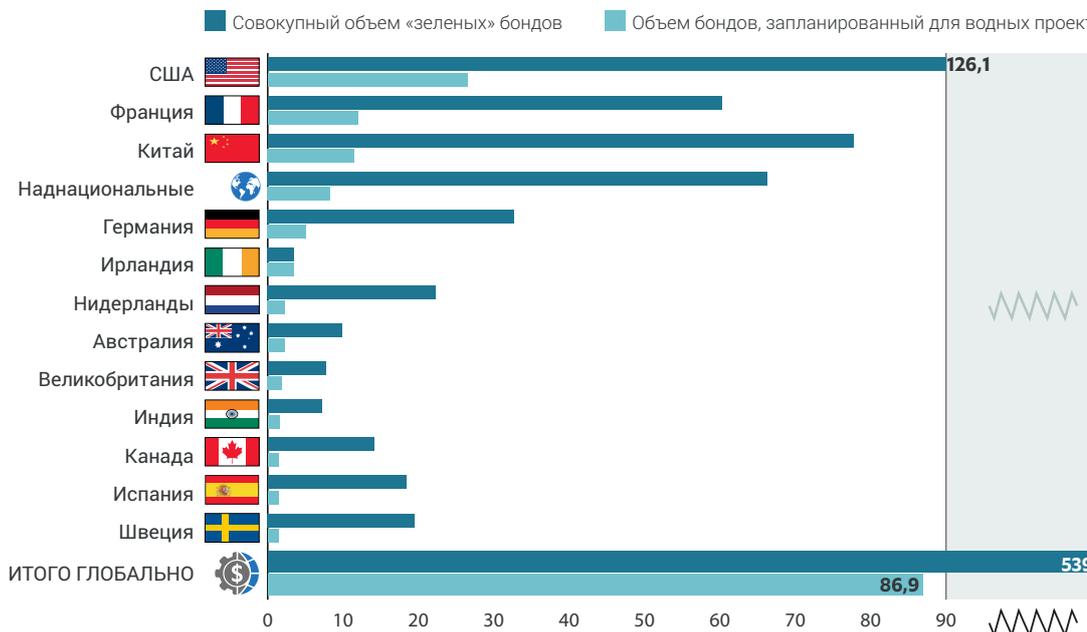
Институциональная работа, проводимая РБО, может стать основой для целевого использования коммерческого капитала, даже если та или иная РБО не имеет юридического статуса, необходимого для прямого заимствования средств. Так, например,

ОРБС с самого начала своей работы предпринимала безрезультатные шаги для обеспечения притока частных инвестиций в развитие гидроэнергетики в начале 90-х гг. прошлого века, но после того, как трансграничные правовые и институциональные механизмы были подкреплены созданием межгосударственной публичной компании – SOGEM – с Южно-Африканской компанией «Eskom» сразу же был заключен контракт на эксплуатацию и техническое обслуживание, что позволило привлечь в бассейн необходимые технические знания и корпоративный опыт⁹³.

Отчасти РБО также могут выполнять функцию привлечения инвестиций. Так, создание условий для частных инвестиций в бассейне реки Сава, активы которой – учитывая его природную красоту – включают многообещающий туристический потенциал, является частью стратегического плана прибрежных стран бассейна⁹⁴.

«Зеленые» финансы на цели «Blue Peace»

Совокупный объем «зеленых» облигаций и их доля, направленная на водные проекты (млрд долл. США)*.

Коммерческие партнеры также участвовали в работе групп по технико-экономическому обоснованию в целях развития транспортной инфраструктуры в Савском бассейне⁹⁵. Государства бассейна могут использовать финансовые инструменты для мобилизации частных инвестиций в ключевые капиталоемкие области, включая энергетику, судоходство и сельское хозяйство, а РБО, в свою очередь, могут получать выгоды от налоговых сборов с частного сектора, т.е. направлять средства, собранные за счет сборов с загрязнителей и/или пользователей, на финансирование своей деятельности⁹⁶.

Инвестиции могут также поддерживаться такими мерами как страхование политических рисков – через Многостороннее агентство по инвестиционным гарантиям (МИГА) Всемирного банка – чем обеспечивается защита от рисков, связанных с неконвертируемостью валют, экспроприацией, войнами, беспорядками и несоблюдением контрактов. Водный портфель МИГА включает водоочистные проекты в Иордании, России и Руанде, а также проекты по опреснению воды в Китае и Гане, но пока что ограничивается проектами национального уровня⁹⁷.

Вместе с тем, частное инвестирование в трансграничные водные ресурсы, скорее, является фактором риска, нежели фактором, способствующим установлению «водного мира», поскольку получение экономической отдачи часто противоречит природоохранным интересам. В соответствии с принципом «не навреди», наверное, наиболее важным является понимание финансовыми институтами рисков, которые экономические инвестиции могут нести для водного сотрудничества. К счастью, банки, экспортно-кредитные агентства,

страховые компании и региональные банки развития все чаще рассматривают трансграничные водные конфликты как факторы риска при инвестировании, например, в гидроэнергетику. В некоторых случаях они настаивают на увязке соответствующих проектов с деятельностью РБО или профильных комиссий в целях обеспечения прозрачности и справедливого использования водных ресурсов. Сами страны могут настаивать на таких подходах посредством учета трансграничных аспектов при проведении ОВОС, как это наблюдается в Сенегале и Боливии⁹⁸.

Частные финансовые учреждения и инвесторы также осознают повышенные риски для проектов и репутационный ущерб в случае финансирования проектов, наносящих ущерб окружающей среде или обществу. Немецкий «Commerzbank», например, учитывает конфликтные риски, связанные с конкуренцией за водные ресурсы между прибрежными странами, в рамках своей политики в отношении водохозяйственных проектов. Голландский банк «ABN Amro» внедрил политику устойчивости, предусматривающую условие, что клиенты банка должны обеспечивать ситуацию, при которой инвестиции, связанные с международными водными путями, охватывались бы соглашениями между государствами или подкреплялись гарантиями того, что данный проект не причинит вреда.

Финансовые инновации также могут помочь в создании новых механизмов прямой поддержки «водного мира». В последние годы в отраслях, связанных с «инвестициями воздействия» и «устойчивым финансированием», наблюдается быстрый рост и развитие новых инструментов – которые в том

числе могут применяться и в области водного сотрудничества – например, репрофилирование «зеленых облигаций»⁹⁹ и «облигаций социального воздействия» в «облигации водного мира» на суверенном и корпоративном уровнях¹⁰⁰. Облигации «водного мира» могут использоваться местными пенсионными фондами, страховыми компаниями, корпорациями, банками и вкладчиками и обеспечиваться денежными потоками в рамках соответствующих проектов по развитию водного сектора¹⁰¹. Заинтересованные стороны также уже собирают данные и разрабатывают наборы контрольных показателей и инструментальных средств – такие как Набор инструментальных средств

для инвестирования в водные ресурсы (Investor Water Toolkit) компании «Ceres», который стал первой комплексной платформой для оценки водных рисков, связанных с инвестиционными портфелями¹⁰². Отрасль «инвестиций воздействия» – охватывающая инвестиции, осуществляемые с целью получения социальных и экологических выгод наряду с финансовой отдачей – может также проникнуть глубже в водный сектор. Ряд инвесторов уже сделали дефицит воды одним из приоритетных направлений своей работы, выделяя средства на профильные проекты, в том числе по очистке и опреснению воды, а также развитию засухоустойчивых сельскохозяйственных культур¹⁰³.

4. Приложение

Контрольные показатели индексирования: преимущества и ограничения

Аналитическая группа журнала «Экономист» (Economist Intelligence Unit, EIU) является ведущей экспертной группой в области разработки комплексных индексов, используемых для сравнения стран и городов по показателям в ключевых областях политики. Наши индексы основаны на тщательно проработанных и прозрачных методологиях, а также масштабных исследованиях, и используются правительствами, организациями и фондами во всем мире для анализа политических ландшафтов и содействия позитивным реформам в государствах и сферах с наибольшим потенциалом результативности.

Преимущества индексного подхода

- **Комплексный характер** – сводный индекс позволяет анализировать ключевые элементы сложного вопроса. В приложении к «Blue Peace Index» - в рамках единого инструментария – это позволяет нам учитывать политические и институциональные аспекты управления водными ресурсами, их воплощение в деятельности на местах, равно как и более широкий контекст сотрудничества.
- **Отслеживание временной динамики трендов** – индекс разработан таким образом, чтобы обеспечивать возможность масштабирования, что достигается применением аналогичной методологии из года в год для отслеживания прогресса во времени. Это имеет особенно важное значение для «Blue Peace Index», поскольку давление на трансграничные водные ресурсы возрастает с течением времени. При оценке прогресса в этой области ключевую роль играют долгосрочные исследования.
- **Четкие рекомендации к действию** – индексный подход направлен на предоставление исполнительным лицам и организациям четких

рекомендаций к действию. «Blue Peace Index» позволяет странам и бассейнам определять свои преимущества и области для улучшения, равно как и обмениваться опытом и передовыми практиками с другими странами и бассейнами.

Ограничения индексного подхода

- **Необходимость упрощения** – по своей сути индекс представляет собой «срез во времени» по множеству стран, сфокусированный на том, что можно измерить и сопоставить в различных условиях. Такой подход, неизбежно, оставляет некоторые важные «серые области» без должного внимания. В отношении «Blue Peace Index» роль более нематериальных по своему характеру факторов сотрудничества, таких как реальная расстановка сил между государствами, роль культурных аспектов и виртуальных потоков воды, являются конкретными переменными, которые в настоящей оценке не учитывались.
- **Приоритет роли государств** – «Blue Peace Index» анализирует подходы государств к управлению своими трансграничными водными ресурсами. Ввиду этого предметом анализа являются правительства и их возможности и деятельность. Хотя некоторые индикаторы отражают взаимоотношения между государством и другими заинтересованными сторонами, роль негосударственных субъектов в стимулировании или сдерживании «водного мира» в этом формате учитывается не в полной мере.
- **Акцент на управлении водными ресурсами** – основной гипотезой в рамках «Blue Peace Index» является идея о том, что устойчивое, справедливое и коллективное управление водными ресурсами на бассейновом и

национальном уровнях является наиболее эффективным способом предотвращения конфликтов и укрепления мира. Это предположение обуславливает долгосрочную перспективу анализа, что ограничивает полезность данной модели в качестве краткосрочного предикативного инструмента в отношении того, где и когда могут возникнуть конфликты.

- **Доступность данных** – учитывая необходимость обеспечения согласованности и сопоставимости, индекс опирается на

общедоступную информацию, включая существующие наборы данных и оценки. Таким подходом из анализа объективно могут исключаться те или иные важные меры по управлению трансграничными водами, если сопоставимые данные по значительному числу стран по ним отсутствуют. Кроме этого, получение и проверка данных о странах со значительными ограничениями потенциала, особенно в таких нестабильных условиях, как Сирия, могут быть затруднены.

Целевые бассейны в рамках «Blue Peace Index»

Амазонка (Лат. Америка)	Амударья (Центр. Азия)	Меконг (Азия)	Сава (Европа)	Сенегал (Африка)	Сырдарья (Центр. Азия)	Тигр-Евфрат (БВСА)
Боливия	Афганистан	Камбоджа	Босния и Герцеговина	Гвинея	Казахстан	Иран
Бразилия	Таджикистан	Китай	Хорватия	Мали	Кыргызстан	Ирак
Колумбия	Туркменистан	Лаос	Сербия	Мавритания	Таджикистан	Сирия
Эквадор	Узбекистан	Мьянма	Словения	Сенегал	Узбекистан	Турция
Перу		Таиланд				
Венесуэла		Вьетнам				

Индекс «Blue Peace»: баллы по бассейнам

ОБЩИЙ БАЛЛ	ПОЛИТИКИ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА	ИНСТИТУТЫ, СОГЛАШЕНИЯ И УЧАСТИЕ	ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ	ИНФРАСТРУКТУРА И ФИНАНСИРОВАНИЕ	КОНТЕКСТ СОТРУДНИЧЕСТВА
1 Сава 67,9	Сава 88,6	Сенегал 69,8	Сава 65,6	Сенегал 51,5	Сава 69,0
2 Сенегал 56,2	Сенегал 57,0	Сава 68,1	Меконг 63,2	Сава 48,2	Амазонка 62,7
3 Меконг 55,0	Амазонка 55,3	Меконг 63,4	Сенегал 49,0	Амазонка 43,5	Меконг 55,9
4 Амазонка 54,2	Сырдарья 52,7	Амазонка 61,8	Амазонка 47,9	Меконг 43,4	Сенегал 53,7
5 Сырдарья 48,1	Меконг 49,1	Сырдарья 58,0	Сырдарья 41,7	Сырдарья 38,4	Сырдарья 49,8
6 Амударья 37,3	Амударья 42,4	Амударья 46,6	Амударья 32,3	Амударья 30,8	Амударья 34,5
7 Тигр-Евфрат 25,0	Тигр-Евфрат 32,0	Тигр-Евфрат 23,3	Тигр-Евфрат 19,8	Тигр-Евфрат 18,2	Тигр-Евфрат 31,4

Источник: Аналитический отдел журнала «Экономист».

«Blue Peace Index»: ключевые выводы (другие бассейны)

Амазонский бассейн

Основные благоприятные факторы:

бассейн реки Амазонка и соответствующие прибрежные государства характеризуются относительно сильными институтами управления водными ресурсами, низким водным дефицитом и активным вовлечением заинтересованных сторон на национальном и трансграничном уровнях;

Основные вызовы:

хотя страны бассейна и обладают опытом привлечения частных инвестиций в водный сектор на национальном уровне, например, через водные ГЧП, примеры мобилизации

частного финансирования на бассейновом уровне пока отсутствуют;

Основные потенциальные возможности:

механизмы трансграничного сотрудничества по техническим аспектам УВР, особенно совместного использования данных, контроля за загрязнением окружающей среды и борьбы со стихийными бедствиями, пока отсутствуют

Меконгский бассейн

Основные благоприятные факторы:

благодаря научно-технической специализации Меконгской речной комиссии (МРК) бассейн характеризуется наличием относительно эффективных технических инструментов УВР, связанных с управлением водообеспеченностью, борьбой с загрязнением и стихийными бедствиями;

Основные вызовы:

отсутствие соглашения по трансграничным водам, охватывающего весь бассейн и его притоки (Китай и Мьянма являются лишь наблюдателями в МРК), препятствует углублению сотрудничества;

Основные потенциальные возможности:

на территории бассейна идет масштабное развитие водной инфраструктуры как на национальном, так и на трансграничном уровне. Отсутствие координации в отношении соответствующих проектов создает значительную напряженность между прибрежными государствами.

Сенегальский бассейн

Основные благоприятные факторы:

деятельность Организации по развитию бассейна реки Сенегал (ОРБС) опирается на всеобъемлющее соглашение и механизмы совместного финансирования, а бассейн располагает мощными механизмами для привлечения национальных и трансграничных заинтересованных сторон;

Основные вызовы:

бассейн характеризуется сложными природными условиями, что влияет на продовольственную безопасность и доступ к питьевой воде, а также отсутствием эффективных механизмов УВР и борьбы с загрязнением;

Основные потенциальные возможности:

ОРБС входит в число наиболее всеобъемлющих и активных трансграничных организаций, охватываемых «Blue Peace Index», но профильные национальные организации и программы часто характеризуются более низким потенциалом, что создает возможности для обмена опытом между прибрежными государствами, а также между национальными и международными учреждениями.

Савский бассейн

Основные благоприятные факторы:

бассейн реки Сава представляет собой «наилучшую практику» по многим аспектам управления трансграничными водами. Соответствующие политические и правовые рамки согласованы с нормами ЕС и международного водного права, а также со всеми странами бассейна, ратифицировавшими Конвенцию по водам ЕЭК ООН. Бассейн также располагает мощными инструментами УВР, включая механизмы борьбы с загрязнением и обмена данными;

Основные вызовы:

отсутствие комплексных механизмов привлечения заинтересованных сторон и ограниченность совместной инвестиционной программы;

Основные потенциальные возможности:

Комиссия по бассейну реки Сава может стать катализатором для участия местных заинтересованных сторон и платформой для обмена опытом среди прибрежных государств.

Бассейн рек Тигр и Евфрат**Основные благоприятные факторы:**

бассейн рек Тигр-Евфрат сталкивается со значительными трудностями по всем индикаторам индекса и характеризуется особенно сложным политическим и экологическим контекстом. Тем не менее, все страны региона сохранили по крайней мере основные институциональные и правовые рамки управления своими водными ресурсами, а Ирак и Сирия подписали Конвенцию о водотоках ООН;

Основные вызовы:

отсутствие механизма регионального сотрудничества привело к сокращению объема взаимодействия между государствами до ограниченных и специальных договоренностей, что, в свою очередь, сделало вододелиение и борьбу с загрязнением особенно сложными задачами;

Основные потенциальные возможности:

на международном уровне бассейн рек Тигр-Евфрат может обогатиться опытом других бассейнов, которые пострадали от конфликтов между прибрежными государствами, таких как бассейн реки Сава. Сосредоточение внимания на технических аспектах УВР, например, обмене данными, может помочь субъектам перевести сотрудничество в менее дипломатически сложную область.

Индекс «Blue Peace»: баллы по странам

	ОБЩИЙ БАЛЛ	ПОЛИТИКИ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА	ИНСТИТУТЫ И УЧАСТИЕ	ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ	ИНФРА-СТРУКТУРА И ФИНАНСИРОВАНИЕ	КОНТЕКСТ СОТРУДНИЧЕСТВА
1	Словения 75,8	Хорватия 93,3	Таиланд 84,7	Таиланд 91,7	Сенегал 56,7	Словения 80,7
2	Хорватия 73,1	Словения 89,2	Mali 83,3	Словения 83,3	Таиланд 55,5	Хорватия 71,7
3	Таиланд 68,7	Сенегал 88,5	Senegal 77,8	Камбоджа 79,2	Словения 55,1	Бразилия 68,1
4	Сенегал 66,3	Босния и Герцеговина 86,0	Хорватия 75,0	Хорватия 75,0	Перу 54,5	Лаос 65,8
5	Сербия 63,2	Сербия 86,0	Перу 73,6	Колумбия 66,7	Бразилия 53,2	Перу 65,0
6	Вьетнам 62,7	Вьетнам 74,2	Бразилия 72,2	Мали 66,7	Колумбия 52,9	Сербия 64,5
7	Мали 62,3	Боливия 63,3	Камбоджа 70,8	Перу 66,7	Мали 51,6	Колумбия 64,4
8	Перу 62,3	Казахстан 57,5	Словения 70,8	Vietnam 66,7	Хорватия 50,4	Боливия 62,9
9	Бразилия 60,1	Мали 57,3	Мавритания 68,1	Лаос 58,3	Китай 49,0	Сенегал 62,7
10	Босния и Герцеговина 59,5	Эквадор 56,0	Сербия 65,3	Боливия 54,2	Мавритания 49,0	Вьетнам 61,5
11	Колумбия 57,6	Венесуэла 55,0	Узбекистан: Амуд 65,3	Бразилия 54,2	Гвинея 48,7	Эквадор 61,0
12	Камбоджа 56,9	Узбекистан: Амуд 53,3	Узбекистан: Сырд 65,3	Сербия 54,2	Вьетнам 47,3	Казахстан 61,0
13	Лаос 55,0	Узбекистан: Сырд 53,3	Вьетнам 63,9	Босния и Герцеговина 50,0	Камбоджа 46,1	Гвинея 60,9
14	Боливия 54,9	Бразилия 52,9	Босния и Герцеговина 61,1	Китай 50,0	Сербия 46,0	Thailand 60,5
15	Казахстан 53,2	Колумбия 52,9	Венесуэла 61,1	Кыргызстан 45,8	Казахстан 45,9	Босния и Герцеговина 59,1
16	Китай 49,4	Кыргызстан 52,7	Боливия 59,7	Сенегал 45,8	Лаос 45,6	Кыргызстан 55,0
17	Эквадор 49,1	Перу 51,9	Казахстан 59,7	Гвинея 41,7	Узбекистан: Амуд 44,4	Венесуэла 54,9
18	Узбекистан: Сырд 48,9	Лаос 51,3	China 56,9	Казахстан 41,7	Узбекистан: Сырд 44,4	Мали 52,3
19	Узбекистан: Амуд 48,3	Thailand 51,3	Лаос 54,2	Мавритания 41,7	Босния и Герцеговина 41,1	Китай 51,5
20	Мавритания 48,2	Туркменистан 51,3	Таджикистан: Амуд 54,2	Узбекистан: Амуд 41,7	Эквадор 38,1	Мьянма 49,5
21	Гвинея 48,0	Таджикистан: Амуд 47,1	Таджикистан: Сырд 54,2	Узбекистан: Сырд 41,7	Таджикистан: Амуд 37,1	Турция 49,2
22	Кыргызстан 46,5	Таджикистан: Сырд 47,1	Эквадор 52,8	Эквадор 37,5	Таджикистан: Сырд 37,1	Камбоджа 46,6
23	Таджикистан: Сырд 43,9	Мавритания 43,8	Кыргызстан 52,8	Таджикистан: Амуд 37,5	Турция 35,0	Таджикистан: Сырд 43,7
24	Таджикистан: Амуд 42,7	Камбоджа 41,9	Туркменистан 52,8	Таджикистан: Сырд 37,5	Боливия 34,5	Узбекистан: Сырд 39,6
25	Венесуэла 41,4	Китай 39,6	Colombia 51,4	Турция 37,5	Венесуэла 27,8	Мавритания 38,7
26	Турция 40,7	Guinea 38,5	Гвинея 50,0	Мьянма 33,3	Туркменистан 26,5	Иран 37,7
27	Туркменистан 39,2	Мьянма 36,5	Мьянма 50,0	Иран 29,2	Кыргызстан 26,3	Таджикистан: Амуд 37,6
28	Мьянма 37,2	Турция 36,0	Турция 45,8	Туркменистан 29,2	Иран 18,8	Узбекистан: Амуд 36,7
29	Иран 26,7	Ирак 35,6	Иран 22,2	Афганистан 20,8	Мьянма 16,8	Туркменистан 36,1
30	Афганистан 19,0	Сирия 30,8	Сирия 18,1	Ирак 8,3	Афганистан 15,3	Афганистан 27,5
31	Ирак 17,6	Иран 25,6	Афганистан 13,9	Венесуэла 8,3	Ирак 14,5	Ирак 22,6
32	Сирия 14,8	Афганистан 17,7	Ирак 6,9	Сирия 4,2	Сирия 4,6	Сирия 16,1

Источник: Аналитический отдел журнала «Экономист».

СНОСКИ

- 1 Водоносный горизонт представляет собой насыщенный слой почвы или породы с промежутками, позволяющими воде перемещаться внутри него. При насыщении они могут хранить значительные количества подземных вод (находящихся ниже уровня грунтовых вод). Подземные воды составляют около 30% мировых запасов пресной воды. Международный центр оценки грунтовых вод (International Ground Water Assessment Centre) (<https://www.un-igrac.org/what-groundwater/>);
- 2 Женевский водный центр (Geneva Water Hub), 2017. «Вопрос выживания: Доклад Глобальной группы высокого уровня по проблемам воды и мира» [A Matter of Survival: Report of the Global High-Level Panel on Water and Peace] (https://www.genevawaterhub.org/sites/default/files/atoms/files/report_of_the_ghlpwp_final_withcover_20171220.pdf);
- 3 Механизм «ООН – водные ресурсы», 2019. Доклад об освоении мировых водных ресурсов (<https://www.unwater.org/publications/world-water-development-report-2019/>);
- 4 Там же;
- 5 Механизм «ООН – водные ресурсы», 2019. Доклад об освоении мировых водных ресурсов (<https://www.unwater.org/publications/world-water-development-report-2019/>);
- 6 В исследовании используются данные Индекса водного дефицита (Water Stress Index), измеряющего общий объем забора воды в качестве доли внутренних возобновляемых водных ресурсов для 115 стран и экономических регионов и 281 единицы производства продовольствия (крупные речные бассейны или агрегированные речные бассейны внутри стран). Страны и бассейны классифицируются как «вододефицитные», если они изымают более 40% внутренних возобновляемых водных ресурсов. Такие вододефицитные регионы считаются «подверженными риску» ввиду нехватки воды. Veolia Water, «Поиск водного пути для устойчивой экономики» [Finding the Blue Path for a Sustainable Economy], 2011 (<https://twi-terre.net/images/PDF/2011-03-Veolia-IFPRI-Water-2050-WhitePaper.pdf>);
- 7 Всемирный экономический форум (ВЭФ), 2019. Доклад «Глобальные риски 2019. 14-е издание» [The Global Risks Report 2019: 14th Edition] (http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalRisks_Report_2019.pdf); Программа по защите окружающей среды ООН, Университет штата Орегон, FAO ООН и др., 2002. Атлас международных соглашений по пресной воде [Atlas of International Freshwater Agreements];
- 8 Женевский водный центр, 2017. «Вопрос выживания: Доклад Глобальной группы высокого уровня по проблемам воды и мира» (https://www.genevawaterhub.org/sites/default/files/atoms/files/report_of_the_ghlpwp_final_withcover_20171220.pdf);
- 9 Женевский водный центр, 2017. «Вопрос выживания: Доклад Глобальной группы высокого уровня по проблемам воды и мира» (https://www.genevawaterhub.org/sites/default/files/atoms/files/report_of_the_ghlpwp_final_withcover_20171220.pdf);
- 10 Бурки, С., 2018. «Правовые основы управления международными трансграничными водоносными горизонтами: опыт до и после ИСАРМ» [Legal frameworks for the governance of international transboundary aquifers: Pre and post-ISARM experience], Journal of Hydrology: Regional Studies 20, с. 15-20 (<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2214581817301787>);
Кафедра наук о Земле, Университет штата Орегон, 1998. Конфликты и сотрудничество на международных водных путях [Conflict and cooperation along international waterways];
Коулман, Т., 2012. «Кому принадлежит вода? Анализ водных конфликтов в латиноамериканском и современном водном праве» [Who Owns the Water? An Analysis of Water Conflicts in Latin American and Modern Water Law], Intersections 12, №2, с. 1-19 (https://depts.washington.edu/chid/intersections_Spring_2012/Thomas_Coleman_Water_Conflicts_in_Latin_America_and_Water_Law.pdf);
- 11 Стокгольмский международный институт водных ресурсов (Stockholm International Water Institute, SIWI), 2008. Анализ ДВУХ: новая методология анализа возможностей трансграничных вод [The TWO Analysis - Introducing a Methodology for the Transboundary Waters Opportunity Analysis] (https://www.siwi.org/wp-content/uploads/2018/01/Report23_TWO_Analysis.pdf);
- 12 Фонд Карнеги за международный мир, 2011. Водный мир: переосмысление водного вопроса в контексте Ближнего Востока [The Blue Peace: Rethinking Middle East Water] (<https://carnegieendowment.org/2011/01/20/blue-peace-rethinking-middle-east-water-event-3137>);
Швейцарское агентство по развитию и сотрудничеству, ШАПС (Swiss Agency for Development and Cooperation, SDC), 2018. Глобальный обзор: глобальная водная программа [Global Brief: Global Programme Water] (https://www.eda.admin.ch/dam/deza/en/documents/publikationen/briefing-papers/global-brief-3-2018_EN.pdf);
Группа стратегического прогнозирования, ШАПС, 2015. Водный мир на Ближнем Востоке: доклад о ходе работ [Blue Peace in the Middle East: Progress Report] (<https://www.files.ethz.ch/isn/187403/84807140109-website.pdf>);
- 13 Женевский водный центр, 2018. Обсуждение водного мира: молодежь как участник перемен, 8-й Всемирный водный форум (Бразилия) [Blue Peace Talk - Young People as Actors of Change, 8th World Water Forum (Brasilia)] (<https://www.genevawaterhub.org/news/blue-peace-talk-young-people-actors-change-8th-world-water-forum-brasilia>);
- 14 ШАПС, 2018. Вода как актив мира: атлас рисков и возможностей [Water as an Asset for Peace: Atlas of Risks and Opportunities] (<https://zoinet.org/wp-content/uploads/2018/02/SDC-Water-Atlas-FINAL-WEB.pdf>);
- 15 Шмэйер, С., Герлак, А., Шульце, С., 2013. Проект по управлению земной системой (Earth System Governance Project), «Кто управляет международными общими водотоками: очистка мутных вод международных организаций речных бассейнов [Who Governs Internationally Shared Watercourses: Clearing the Muddy Waters of International River Basin Organisations]» (<https://www.earthsystemgovernance.org/publication/who-governs-internationally-shared-watercourses-clearing-the-muddy-waters-of-international-river-basin-organizations/>);
- 16 https://www.unecce.org/fileadmin/DAM/env/water/publications/WAT_Text/ECE_MP.WAT_41.pdf; <https://www.files.ethz.ch/isn/187403/84807140109-website.pdf>; <https://www.watgovernance.eu/international-comparison/what-are-international-river-basin-organizations/>
- 17 Всемирный банк (ВБ), 1999. Существующие и формирующиеся бассейновые соглашения в Азии: тематическое исследование Меконгской речной комиссии [Existing and Emerging Basin Arrangements in Asia: Mekong River Commission Case Study] (<http://siteresources.worldbank.org/INTWRD/918599-1112615943168/20431963/MekongRiverComCaseStudy.pdf>);
Генеральная Ассамблея ООН, Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков, 1997 г. (http://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/conventions/8_3_1997.pdf);
Женевский водный центр, 2017. «Вопрос выживания: Доклад Глобальной группы высокого уровня по проблемам воды и мира» (https://www.genevawaterhub.org/sites/default/files/atoms/files/report_of_the_ghlpwp_final_withcover_20171220.pdf);
- 18 ВБ, 1999. Существующие и формирующиеся бассейновые соглашения в Азии: тематическое исследование Меконгской речной комиссии (<http://siteresources.worldbank.org/INTWRD/918599-1112615943168/20431963/MekongRiverComCaseStudy.pdf>);
- 19 <http://www.mrcmekong.org/topics/flood-and-drought/>;

- 20 Chatham House, 2016. Вода, экосистемы и энергетика в Южной Азии: обеспечение трансграничного сотрудничества [Water, Ecosystems and Energy in South Asia: Making Cross-Border Collaboration Work] (<https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2016-06-30-water-south-asia-price-mitra.pdf>);
- 21 Паппенбергер, Ф., Клок, Х. и др., 2015. «Денежная выгода раннего оповещения о наводнениях в Европе» [The Monetary Benefit of Early Flood Warnings in Europe], *Environmental Science & Policy*, 51, с.100;
- ШАРС, adelphi, РЭЦЦА, 2017. Переосмысление водных ресурсов в Центральной Азии: издержки бездействия и выгоды водного сотрудничества [Rethinking Water in Central Asia: The Costs of Inaction and Benefits of Water Cooperation] (<https://www.adelphi.de/en/system/files/mediathek/bilder/Rethinking%20Water%20in%20Central%20Asia%20-%20adelphi%20carec%20ENG.pdf>);
- 22 ООН, 2019. Вода: глобальные проблемы [Water: Global Issues] (<https://www.un.org/en/sections/issues-depth/water/>);
- 23 Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), 2017. Всемирный доклад по малярии (<https://www.who.int/malaria/publications/world-malaria-report-2017/wmr2017-regional-profiles.pdf?ua=1;USAID>);
- Инициатива президента по борьбе с малярией, Сенегальская группа по оценке воздействия малярии, 2015. Оценка влияния расширения масштабов мероприятий по борьбе с малярией на смертность от всех причин у детей в возрасте до 5 лет в Сенегале, 2005-2010 гг. [Evaluation of the Impact of the Scale-up of Malaria Control Interventions on AllCause Mortality in Children under Five Years of Age in Senegal, 2005-2010] (https://www.pmi.gov/docs/default-source/default-document-library/pmi-reports/senegal-impact-evaluation-report_508.pdf?sfvrsn=7);
- 24 ВОЗ, 2019. Фактологические бюллетени: питьевая вода [Fact Sheets: Drinking Water] (<https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/drinking-water>);
- 25 Ландриган, П.Дж. и др., 2018. «Комиссия журнала «Ланцет» по загрязнению и здоровью» (The Lancet Commission on Pollution and Health), *The Lancet*, с. 462-512 (<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/29056410>);
- 26 Ши, Дж., Ванг, Б., Жанг, З., Жанг, И., 2016. «Затраты на борьбу с загрязнением трансграничного речного бассейна: эмпирическое тестирование справедливости и стабильности механизмов распределения затрат с использованием теории игр [Pollution Control Costs of a Transboundary River Basin: Empirical tests of the fairness and stability of cost allocation mechanisms using game theory], *Journal of Environmental Management*, 177, с. 145-152 (<https://europepmc.org/abstract/med/27088211>);
- 27 Мука, М., Ба, О. и др., 2016. Малярия трех эпидемиологических страт в Мавритании [Malaria in three epidemiological strata in Mauritania] (<https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4828841>);
- 28 <https://www.watergovernance.eu/international-comparison/what-are-international-river-basin-organizations/>, <https://www.watergovernance.eu/international-comparison/what-are-international-river-basin-organizations/>;
- 29 ШАРС, adelphi, РЭЦЦА, 2017. Переосмысление водных ресурсов в Центральной Азии: издержки бездействия и выгоды водного сотрудничества (<https://www.adelphi.de/en/system/files/mediathek/bilder/Rethinking%20Water%20in%20Central%20Asia%20-%20adelphi%20carec%20ENG.pdf>), с.83-100;
- 30 Всемирная комиссия по плотинам, 2000. Плотины и развитие: новые рамки для принятия решений [Dams and Development: A New Framework for Decision-Making] (https://www.internationalrivers.org/sites/default/files/attached-files/world_commission_on_dams_final_report.pdf);
- 31 Эрл, А., Базилли, С., 2013. «Гендерная критика управления трансграничными водами» [A Gendered Critique of Transboundary Water Management], *Feminist Review*, 103(1), с. 99-119 (<http://www.water-alternatives.org/index.php/volume3/v3issue2/80-a3-2-3/file>);
- 32 Блоги Всемирного банка, Саум, Б. и Ахмад, Дж., 2019. Внутренние водные пути возрождают южно-азиатские торговые артерии [Inland waterways revive South Asia arteries of trade] (<https://blogs.worldbank.org/endpovertyin southasia/inland-waterways-revive-south-asia-arteries-trade>);
- 33 Меконгская речная комиссия (МРК), Международная сеть бассейновых организаций (МСБО), 3-я сессия. «Прогресс в управлении водными ресурсами на уровне речного бассейна: бассейн реки Меконг» [Progress in Water Management at the River Basin Level: Mekong River Basin], 2004 (<https://www.riob.org/en/file/264414/download?token=bzMrPwUO>);
- 34 <https://www.britannica.com/place/Syr-Darya>
- 35 <https://www.britannica.com/place/Aral-Sea>
- 36 <https://www.britannica.com/place/Naryn-River>; http://www.cawater-info.net/karadarya/index_e.htm;
- 37 https://www.researchgate.net/figure/Map-of-Central-Asia-with-major-river-catchments-Amu-Darya-Syr-Darya-and-Chu-Talas-are_fig1_227574792; http://www.cawater-info.net/chirchik/index_e.htm;
- 38 <https://www.britannica.com/place/Syr-Darya>; <https://www.hydropower.org/country-profiles/kyrgyzstan>;
- 39 <https://www.britannica.com/place/Amu-Darya>;
- 40 <https://www.britannica.com/place/Aral-Sea>;
- 41 <https://www.britannica.com/place/Uzbekistan#ref598878>; https://www.researchgate.net/figure/Map-of-Central-Asia-with-major-river-catchments-Amu-Darya-Syr-Darya-and-Chu-Talas-are_fig1_227574792;
- 42 https://www.researchgate.net/figure/Map-of-the-Amu-Darya-River-Basin-and-location-of-main-irrigation-areas_fig1_278635573; <https://www.hydropower.org/country-profiles/tajikistan>;
- 43 <https://www.britannica.com/place/Amu-Darya#ref283833>;
- 44 <https://www.britannica.com/place/Zeravshan-River>;
- 45 <http://www.icwc-aral.uz/bwoamu.htm>;
- 46 <http://www.icwc-aral.uz/>;
- 47 <http://www.icwc-aral.uz/statute1.htm>;
- 48 Там же;
- 49 <https://www.mdpi.com/2073-4441/12/7/1896/htm>;
- 50 https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/water/publications/GUIDELINES/2017/nexus_in_the_Syr_Darya_River_Basin/Syr-Daria-FINAL-WEB.pdf; Expert interviews;
- 51 <https://menafn.com/1097339932/Kyrgyz-president-takes-part-in-summit-of-IFAS-founders>;
- 52 http://icwc-aral.uz/25years/pdf/sic_icwc_eng.pdf;
- 53 https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/water/publications/GUIDELINES/2017/nexus_in_the_Syr_Darya_River_Basin/Syr-Daria-FINAL-WEB.pdf;
- 54 Экспертные интервью;
- 55 <https://cawater-info.net/library/rus/icwc/84-ru.pdf>;
- 56 <https://cawater-info.net/library/rus/icwc/84-ru.pdf>; <http://sic.icwc-aral.uz/releases/eng/318.htm>;
- 57 http://cawater-info.net/yearbook/pdf/04_yearbook2018_en.pdf;
- 58 <https://www.unece.org/env/water/centralasia/chutalas.html>;

- 59 <https://thediplomat.com/2017/07/uzbekistans-changing-rogun-tone/>;
- 60 <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/02508060.2015.1051788>;
- 61 <https://carececo.org/en/main/news/vtoroe-zasedanie-kazakhstansko-uzbekskoy-sovmestnoy-rabochey-gruppy-po-voprosam-okhrany-okruzhayushch/>;
- 62 <https://www.unece.org/environmental-policy/conventions/water/areas-of-work-of-the-convention/envwatercentralasia/strengthening-cooperation-on-hydrology-and-environment-between-afghanistan-and-tajikistan-in-the-upper-amu-darya-river-basin.html>; Expert interviews;
- 63 <https://eurasianet.org/central-asia-leaders-confab-but-stop-short-of-binding-commitments>;
- 64 <https://carececo.org/en/main/activity/projects/prodvizhenie-dialoga-dlya-predotvrashcheniya-raznoglasiy-po-voprosam-svyazannym-s-upravleniem-vodnym>;
- 65 <https://journals.openedition.org/asiacentrale/3180>;
- 66 https://issuu.com/oecd.publishing/docs/final_report_eng_issuu;
- 67 Там же;
- 68 https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/water/publications/GUIDELINES/2017/nexus_in_the_Syr_Darya_River_Basin/Syr-Daria-FINAL-WEB.pdf;
- 69 Там же;
- 70 <https://carececo.org/Rethinking%20Water%20in%20Central%20Asia.pdf>;
- 71 <https://carececo.org/en/main/activity/projects/prodvizhenie-dialoga-dlya-predotvrashcheniya-raznoglasiy-po-voprosam-svyazannym-s-upravleniem-vodnym>;
- 72 <http://cawater-info.net/projects/peer-amudarya/pdf/peer-amudarya-final-book-summary-en.pdf>;
- 73 http://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/epr/epr_studies/Turkmenistan.pdf;
- 74 <https://carececo.org/Rethinking%20Water%20in%20Central%20Asia.pdf>;
- 75 Там же;
- 76 <https://carececo.org/Rethinking%20Water%20in%20Central%20Asia.pdf>;
- 77 https://issuu.com/oecd.publishing/docs/final_report_eng_issuu;
- 78 <https://carececo.org/Rethinking%20Water%20in%20Central%20Asia.pdf>;
- 79 http://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/epr/epr_studies/Turkmenistan.pdf;
- 80 Шмейер, С., Герлак, А., Шульце, С., 2013. Проект по управлению земной системой «Кто управляет международными общими водотоками: очистка мутных вод международных организаций речных бассейнов (<https://www.earthssystemgovernance.org/publication/who-governs-internationally-shared-watercourses-clearing-the-muddy-waters-of-international-river-basin-organizations/>);
- 81 ВБ, 1999. Существующие и формирующиеся бассейновые соглашения в Азии: тематическое исследование Меконгской речной комиссии (<http://siteresources.worldbank.org/INTWRD/918599-1112615943168/20431963/MekgongRiverComCaseStudy.pdf>);
- 82 Международная комиссия по защите реки Дунай, МКЗРД (International Commission for the Protection of the Danube River, ICPDR). Разработка Плана по управлению Дунайский речным бассейном (Danube River Basin Management, DRBM) и Плана по управлению риском наводнений (Danube Flood Risk Management, DFRM), 2015 (<https://www.icpdr.org/main/eu-grant-2015>);
- 83 ВБ, 1999. Существующие и формирующиеся бассейновые соглашения в Азии: тематическое исследование Меконгской речной комиссии (<http://siteresources.worldbank.org/INTWRD/918599-1112615943168/20431963/MekgongRiverComCaseStudy.pdf>);
- 84 ФАО ООН. Принятие решений на уровне бассейна реки: ОПБС, Сенегал [Decision making at the River Basin level: OMVS, Senegal] (http://www.fao.org/fileadmin/user_upload/faowater/docs/saskatoon/2-Senegal_LCID_OMVSLamine.pdf);
- 85 Женевский водный центр, 2017. «Вопрос выживания: Доклад Глобальной группы высокого уровня по проблемам воды и мира» (https://www.genevawaterhub.org/sites/default/files/atoms/files/report_of_the_ghlpwp_final_withcover_20171220.pdf);
- 86 ВБ, 2014. Обеспечение чистой водой 1,3 миллиона сельских жителей Вьетнама [Providing Clean Water for 1.3 Million Rural Residents in Vietnam] (<https://www.worldbank.org/en/results/2014/04/10/providing-clean-water-for-13-million-rural0-residents-in-vietnam>);
- 87 Бюро мелиорации (Федеральное агентство США), 1922. Соглашение по реке Колорадо (Colorado River Compact) (<https://www.usbr.gov/lc/region/pao/pdfiles/crcompct.pdf>);
- 88 GreenBiz Group, 2018. Бассейн реки Колорадо: место, где реалии водного дефицита сталкиваются с государственной политикой [The Colorado River Basin: Where the reality of water stress collides with public policy] (<https://www.greenbiz.com/article/colorado-river-basin-where-reality-water-stress-collides-public-policy>);
- 89 Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) GmbH, 2014. «Финансирование международных речных бассейновых организаций» (2-й практический семинар «Речные бассейновые комиссии и другие совместные органы по трансграничному водному сотрудничеству: технические аспекты») (https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/documents/2014/WAT/04April_9-10_Geneva/presentations/3.1_Schmeier_Presentation_JBWorkshop_RBOFinancing.pdf);
- 90 Группа стратегического прогнозирования, ШАРС, 2015. Водный мир на Ближнем Востоке: доклад о ходе работ (<https://www.files.ethz.ch/isn/187403/84807140109-website.pdf>);
- 91 ФАО ООН. Гидроэкономическое моделирование для управления трансграничными речными бассейнами: на пути к более комплексному подходу [Hydro-economic modelling for transboundary river basin management: Towards a more integrated approach]. Конференция Международной комиссии по ирригации и дренажу (International Commission on Irrigation and Drainage, ICID), Саскатун, 2018 г. (http://www.fao.org/fileadmin/user_upload/faowater/docs/saskatoon/1-Senegal_LCID_Intro-Salman.pdf);
- 92 ВБ, 2016. Трастовый фонд бассейна реки Нил: сотрудничество в области международных вод в Африке [The Nile Basin Trust Fund: Cooperation in International Waters in Africa (CIWA)] (<https://www.worldbank.org/en/programs/cooperation-in-international-waters-in-africa/brief/nile-basin-trust-fund>);
- 93 Институт развития зарубежных стран, ИРЭС (Overseas Development Institute, ODI), 2002. Финансирование управления трансграничными водами [Financing Transboundary Water Management] (<https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/1622.pdf>);
- 94 Международная комиссия по бассейну реки Сава, 2002. Рамочное соглашение по бассейну реки Сава [Framework Agreement on the Sava River Basin] (http://www.savacommission.org/dms/docs/dokumenti/documents_publications/basic_documents/fasrb.pdf);
- 95 Международная комиссия по бассейну реки Сава. Восстановление и развитие судоходства на реке Сава [Rehabilitation and Development of Navigation on the Sava River] (https://www.icpdr.org/main/sites/default/files/Milkovic_Rehabilitation%20and%20development%20of%20navigation%20on%20the%20Sava%20river.pdf);
- 96 ВБ, 2018. Кристина, Л., Тейлор, Х. и др. Содействие развитию в общих речных бассейнах: инструменты повышения эффективности управления трансграничными бассейнами [Promoting Development in Shared River Basins : Tools for Enhancing Transboundary Basin Management] (<https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/29462?locale-attribute=es>);
- 97 <https://www.miga.org/brief/water-guaranteeing-investments-water-projects>;

-
- 98 Республика Сенегал, 2001. Экологический кодекс (<http://www.droit-afrique.com/upload/doc/SÉNÉGAL/SÉNÉGAL-Code-2001-environnement.pdf>);
-
- Министерство окружающей среды и водных ресурсов, 2018. Сектор углеводородов (http://snia.mmaya.gob.bo/web/PDFs/RVMA/RA_VMABCCGDF_023_2018.pdf);
-
- 99 Партнерства по обеспечению безопасности Земли (Earth Security Partnerships), 2018. Финансовые инструменты, специально предназначенные для финансирования проектов, которые приносят экологические и/или климатические выгоды [Financial instruments specifically designed to fund projects that have positive environmental and/or climate benefits], «Вклад финансового сектора в водоснабжение и мир» [The Finance Sector's Contribution to Water and Peace] (<https://earthsecuritygroup.com/wp-content/uploads/2018/12/ESP-Finance-Water-Peace.pdf>);
-
- 100 Партнерства по обеспечению безопасности Земли, 2018. Вклад финансового сектора в водоснабжение и мир (<https://earthsecuritygroup.com/wp-content/uploads/2018/12/ESP-Finance-Water-Peace.pdf>);
-
- 101 Движение «Водный мир» (Blue Peace Movement), 2019. «Blue Peace»: инвестирование в укрепление мира через воду (https://blue-peace-movement.github.io/website/Invest_in_Peace_through_Water.pdf);
-
- 102 CERES, Набор инструментальных средств для инвестирования в водные ресурсы (Investor Water Toolkit) (<https://www.ceres.org/resources/toolkits/investor-water-toolkit>);
-
- 103 Пенсионный фонд «PGGM». Нехватка воды [Water Scarcity] (<http://www.pggm.nl/english/what-we-do/Pages/Water-scarcity.aspx>).

LONDON

20 Cabot Square
London, E14 4QW
United Kingdom
Tel: (44.20) 7576 8000
Fax: (44.20) 7576 8500
Email: london@eiu.com

NEW YORK

750 Third Avenue
5th Floor
New York, NY 10017
United States
Tel: (1.212) 554 0600
Fax: (1.212) 586 1181/2
Email: americas@eiu.com

HONG KONG

1301
12 Taikoo Wan Road
Taikoo Shing
Hong Kong
Tel: (852) 2585 3888
Fax: (852) 2802 7638
Email: asia@eiu.com

GENEVA

Rue de l'Athénée 32
1206 Geneva
Switzerland
Tel: (41) 22 566 2470
Fax: (41) 22 346 93 47
Email: geneva@eiu.com

DUBAI

Office 1301a
Aurora Tower
Dubai Media City
Dubai
Tel: (971) 4 433 4202
Fax: (971) 4 438 0224
Email: dubai@eiu.com

SINGAPORE

8 Cross Street
#23-01 Manulife Tower
Singapore
048424
Tel: (65) 6534 5177
Fax: (65) 6534 5077
Email: asia@eiu.com